Исторический вестник. Гражданская война в России. 2024. Т. XLVII.
DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.002

Р.Г. Гагкуев

ВОПРОС УЧАСТИЯ БРИТАНСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В СИБИРИ В ПЕРЕВОРОТЕ 18 НОЯБРЯ 1918 г. И ПРИХОДА К ВЛАСТИ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

События, произошедшие в Омске 18 ноября 1918 г., в результате которых на вершине власти оказался Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, стали одними из ключевых в Гражданской войне. Не случайно они постоянно привлекают внимание отечественных и зарубежных историков, в ряде работ подробно описавших процесс подготовки свержения власти Временного Всероссийского правительства (Директории) и сам механизм переворота. Историография этого вопроса насчитывает десятки работ, среди которых исследования о ходе Гражданской войны на востоке России, научные биографии А.В. Колчака и тематические публикации[1].

Наряду с существованием подробного описания подготовки и хода переворота, на протяжении десятилетий дискуссионным остается вопрос возможного участия в нем офицеров Британской военной миссии в Сибири во главе с генерал-майором А. Ноксом. Разного рода слухи

[1] См., напр.: *Шишкин В.И.* Колчаковский государственный переворот в освещении российских мемуаристов // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2018. № 56. С. 66–78; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1919 гг. М., 2019. С. 417–436 и др.

Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. Омск. 1919 г.

об участии британцев в событиях, ходившие в Омске в ноябре–декабре 1918 г., в конечном счете вылились в версию об их активной роли в перевороте. Фактически эта версия была сформулирована чинами Французской военной миссии в Сибири во главе с дивизионным генералом М. Жаненом. Еще в годы Гражданской войны Жанен был убежден в участии Великобритании и лично начальника Британской военной миссии Нокса в состоявшемся 18 ноября перевороте. В действиях британцев в 1918–1919 гг. в Сибири французский генерал усматривал наличие некоего плана, призванного обеспечить интересы Великобритании, согласно которому русская революция была совершена для того, чтобы использовать части бывшей Российской империи[2].

В рапортах, отправляемых в Военное министерство, Жанен не раз писал о причастности британцев к перевороту. Со временем высказанная им точка зрения стала одним из главных аргументов в пользу «британского следа». В декабре 1918 г. он телеграфировал в Париж: «...Известно о связях адмирала Колчака с англичанами, генерал Нокс поддерживал

[2] *Janin M.* Moje účast na Československém boji za svobodu / z rukopisu přeložil Hanuš Jelínek. Praha, [1926]. S. 249.

с ним отношения и наладил его отношения с генералом Гайдой»[3]. Жанен подозревал, что генерал-майор Р. Гайда был в курсе намерения А.В. Колчака осуществить переворот, лишив власти Директорию, хотя и отрицал это[4]. 14 декабря французский генерал обращал внимание французского председателя правительства и военного министра Ж. Клемансо на важный «нюанс»: «...Генерал Нокс приехал в Сибирь на три месяца раньше меня. Он был в союзе, и даже, возможно, тайном, с адмиралом Колчаком и, возможно, уже согласовал с ним общие вопросы формирования армии»[5]. «На нем лежит тяжкая ответственность, так как его агенты участвовали в тайных сборищах, которые предшествовали государственному перевороту адмирала, — утверждал Жанен в телеграмме министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу 22 декабря 1919 г. — Нужно отнестись с большой осторожностью к его здравому смыслу, слыша, как он открыто заявляет, что немецкое вмешательство может быть полезно, и думает привлекать немецких военнопленных, находящихся здесь (пленных из концентрационных лагерей. — *Р.Г.*). Ему тяжело, очевидно, признавать, что, поставив Колчака у власти, он помог гибели России»[6].

Отвечая в июне 1920 г. в рапорте на имя военного министра А. Лефевра на свой же вопрос «*Почему* англичане *выбрали* Колчака?», французский генерал заключал: «Достаточно сказать, что англичане просили у правительства Колчака концессию на все богатства Туркестана за то, что они вторгнутся на юг Урала, что свидетельствует, что экономические виды наших союзников-британцев были весьма обширными. Они хотели иметь “свое” правительство. По их распоряжению Колчак, который уже плыл к Месопотамии, чтобы поступить там на “английскую службу”, был отозван и направлен в Омск, где благодаря опыту государственных переворотов в России, какой они уже нажили в Петрограде и в Архангельске, они, собрав группу русских офицеров-монархистов, устроили

---

3 Телеграмма начальника Французской военной миссии в Сибири генерала М. Жанена военному министру Ж. Клемансо. 15 декабря 1918 г., Омск. № 209–210 // SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 209–210. 15 décembre 1918.

4 *Janin M.* Moje účast na Československém boji za svobodu. S. 188; *Janin [M.]* Ma mission en Siberie. 1918–1920. Paris, 1933. P. 51.

5 Рапорт начальника Французской военной миссии в Сибири генерала М. Жанена военному министру Ж. Клемансо. 14 декабря 1918 г., Омск // SHD. 16 N. Carton 3810. D. 4. 14 Décembre 1918.

6 Телеграмма начальника Французской военной миссии в Сибири генерала М. Жанена министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу. 22 декабря 1919 г. // *Grondijs L.H.* Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe. Leiden, 1939. P. 108.

Генерал Константин Вячеславович Сахаров

государственный переворот, следствием которого стала потеря Сибири»[7]. При подобной уверенности в участии британцев в перевороте 18 ноября 1918 г. в Омске Жанен, тем не менее, не располагал никакими реальными документами, подтверждавшими версию существования «британского следа» в заговоре против Директории.

Противоречия между двумя генералами Жаненом и Ноксом как главами союзных миссий, в 1918–1920 гг. почти никак не выходившие наружу в Сибири, в 1920-е гг. проявились публично в Европе. Характерно, что британский генерал Нокс в своих воспоминаниях о Первой мировой войне, вышедших в 1921 г., упоминает Жанена, занимавшего важное место в жизни Ставки в Могилеве в 1916–1917 гг., всего один раз[8].

В письме С.П. Мельгунову, готовившему в конце 1920-х гг. к изданию книгу «Трагедия адмирала Колчака», генерал Нокс, со слов историка, свидетельствовал, что о подготовке переворота он узнал за два–три дня до 18 ноября, получив информацию от генерал-майора К.В. Сахарова в Маньчжурии. При этом Нокс не отрицал возможную осведомлен-

---

7 Рапорт генерала М. Жанена военному министру А. Лефевру о миссии в Сибири. 20 июня 1920 г. // *Grondijs L.H.* Le Cas-Koltchak... P. 233; *Гагкуев Р.Г.* Рапорт генерала М. Жанена об итогах работы Французской военной миссии в Сибири // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 1060.

8 *Knox A.* With the Russian army, 1914–1917: being chiefly extracts from the diary of a military attaché. Vol. 2. London, 1921. P. 496; *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М., 2014. С. 447.

ность по вопросу подготовки переворота некоторых членов его миссии, а также их возможное участие «в одном из многочисленных собраний в Омске», где заговорщики обсуждали свои планы. Под этими офицерами, как показывают документы, подразумевались полковник Дж. Нилсон, прибывший во Владивосток в октябре, и капитан Л. Стевени, находившийся во Владивостоке с мая 1918 г.[9] Оба они, очевидно, прибыли в Омск в конце октября — начале ноября, накануне переворота. Мельгунов писал о наличии у него прямого свидетельства о подобном совещании с представителями союзников, на которое Е.Д. Ильина-Воейкова (жена капитана И.С. Ильина) была привлечена в качестве переводчика. Историк заключал, что факты далеки от того, что подтвердить санкционирование Ноксом переворота и сделать чинов его миссии «чуть ли не инициаторами этого акта»[10].

В 1925 г. отвечая на утверждения, содержащиеся в опубликованных Жаненом отрывках из «Сибирского дневника» о причастности британцев к перевороту 18 ноября, Нокс написал резко, переходя к обвинениям в бездеятельности самого французского генерала: «В Сибири, по-видимому, все оказались виновны в последовавшем разгроме, все, кроме самого генерала Жанена. Отрывок из его дневника от 12 ноября 1919 г. особенно это подчеркивает. Он пишет, что англичане, поставившие Колчака у власти, были столь же дальновидны, как и в деле свержения Николая II». «Прежде всего укажем на то, что переворот, который поставил Колчака у власти еще до приезда генерала Жанена в Сибирь, был совершен сибирским правительством без ведома и всякого содействия Великобритании, — заключал бывший глава Британской военной миссии в Сибири. — Обвинение Англии в свержении покойного императора не что иное, как немецкая выдумка, в которой нет и тени правды, а генерал Жанен, разумеется, должен это знать. Заключительная трагедия в Сибири была подготовлена многими факторами. Одним из них, достойным упоминания, но, разумеется, опущенным автором дневника, является тот факт, что французский генерал оказался неспособен надлежащим образом дисциплинировать контингенты союзных войск (речь, прежде всего, о Чехословацком корпусе. — *Р.Г.*), находящихся под его командованием»[11].

---

9 *Тотров Ю.Х.* Английская разведка в России. М.; СПб., 2023. С. 292, 302.

10 *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. М., 2004. С. 440.

11 *Knox A.* Reviewed Work: Fragment de mon Journal Sibérien. Le Monde slave for December, 1924 // The Slavonic Review. Vol. 3. № 9. Mar., 1925. P. 724; *Жанен [М.]* Отрывки из моего Сибирского дневника / [Предисл. и примеч. В.Д. Вегмана.] Пер. с франц. Н. Изонги // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 4. С. 158–159.

Реагируя на эту единственную ответную реплику Нокса после публикации в 1924 г. отрывков из своих дневников, Жанен наиболее кратко и полно сформулировал обвинение в причастности британцев к перевороту 18 ноября и свои претензии к ним.

Первым и наиболее важным было обвинение Нокса и его миссии в приходе Колчака к власти. «...Позволю себе сказать генералу Ноксу, что у него, наверное, очень короткая память, если он не помнит, что он был замешан в интриги, которые закончились переворотом Колчака, — указывал Жанен. — Речь ни в коем случае не идет о “содействии Великобритании”, а единственно только об инициативе, взятой на себя некоторыми ее агентами, инициативе, которую они отрицают и сейчас ввиду ее плачевных результатов. По-видимому, английский генерал не помнит больше смотра, который состоялся 10 ноября 1918 г. в Екатеринбурге (в ним принимал участие Колчак как военный министр Директории и на нем состоялось вручение знамен полкам 2-й Чехословацкой дивизии. — *Р.Г.*), смотра, на котором дефилировал батальон английского Мидлсекского полка, который служил адмиралу Колчаку с самого Владивостока в качестве преторианской стражи (Колчак прибыл в Омск 13 октября, а батальон — 18 октября. — *Р.Г.*)». Французский генерал, как всегда, в случаях, когда не был очевидцем, ссылался на мнение французских офицеров и осведомителей. «Тогда меня не было еще в Сибири, — публично обращался Жанен к Ноксу — но французские офицеры, которые мне предшествовали (вероятно, Ж. Пишон. — *Р.Г.*), а также чехи и затем многие русские свидетели этих памятных дней должны помнить позицию, которую занимали в этот день английские солдаты и их командующий подполковник [Дж.] Уорд...»[12] Между тем достоверность многих таких сведений была сомнительная, что наглядно показывал ряд его донесений в Париж, как, например, рапорт «Диктатура Колчака», датированный декабрем 1918 г.[13], основанный на слухах и содержащий большое число ошибок.

Жанен прямо обвинял англичан в участии в заговоре, указывая, что «...генерал Нокс, несомненно, был в курсе заговора, замышляемого Колчаком хотя бы через своего офицера связи Стевени, который присутствовал даже на тайном собрании заговорщиков, где было принято

---

[12] Le journal Siberian du général Janin // Le Monde slave. Paris, 1925. № 4. P. 21; *Жанен [М.].* Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 159–160.

[13] См.: «Диктатура Колчака»: генерал Морис Жанен и начало работы Французской военной миссии в Сибири в ноябре — декабре 1918 г. / Вступ. ст., подг. текста и коммент. Р.Г. Гагкуева // Исторический вестник. Т. 37. М., 2021. С. 204–229.

решение привести заговор в исполнение». «Стевени не делал из этого тайны, — писал французский генерал, — и когда позднее, во время отступления, я спрашивал его в числе многих других союзников и русских, не испытывает ли он некоторого сожаления о содействии возвышению Колчака, которому мы обязаны таким разгромом, он ограничился молчанием. Мне кажется, что, страдая недостатком памяти, генерал Нокс ввел в заблуждение читателей»[14].

Как видно, кроме глухих отсылок к «свидетельствам очевидцев» Жанен не приводил никаких реальных подтверждений своей версии событий. Молчание Стевени в ответ на его вопрос можно трактовать по-разному, никакого мнения самого британского офицера о тех событиях до настоящего времени не известно.

Вторым по важности тезисом в ответе Ноксу для Жанена стало обвинение его в фактическом отсутствии контроля над действием вверенных ему частей. Здесь французский генерал в очередной раз повторял, что в его распоряжении был только Чехословацкий корпус. «...Инсинуацию английского генерала, — писал Жанен, — согласно которой войска, которыми я командовал, не были взяты мною как следует в руки и оказались, благодаря своей недисциплинированности, одной из причин заключительной трагедии, он называл «стрелой парфянина»[15]. «Я имел под своим командованием только чехов и различные контингенты иностранцев, — указывал он. — Эти последние вовсе не участвовали в боях после моего приезда, значит — дело идет об одних чехах». По его мнению, Нокс «без сомнения» повторял «слова своих русских друзей, окружавших Колчака»[16].

Учитывая, что чехословацкие части с началом 1919 г. действительно были отведены в тыл, Жанен вполне справедливо писал о их неучастии в боях на фронте. В то же время и чехословацкие, и некоторые другие национальные формирования были задействованы в охране Транссибирской магистрали. В конфликтах, которые возникали на протяжении 1919 г., можно увидеть не только отстаивание Жаненом интересов вверенных ему в командование частей, но и подстраивание французским генералом своих действий под их позицию.

---

[14] Le journal Siberian du général Janin. P. 22; *Жанен [М.].* Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 160.

[15] В данном случае «парфянская стрела» — меткая фраза, использованная в качестве последнего довода, самого убийственного аргумента в споре со своим оппонентом.

[16] Le journal Siberian du général Janin. P. 22; *Жанен [М.].* Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 160.

Для Жанена было принципиально важно, с одной стороны, отвести от Чехословацкого корпуса обвинения в грабежах и бездействии, с другой — показать его подконтрольность приказам командования: «...Я часто слышал, как повторяли ему (Колчаку. — *Р.Г.*) и его близким, что чехи — преступники потому, что, очистив Сибирь от большевистских войск, они отказались продолжать сражаться за русских, которые предпочитали лучше веселиться в Омске, чем рисковать здоровьем и жизнью на больших дорогах и на фронте». Далее он подчеркивал их роль в сохранении снабжения Сибири по Транссибирской магистрали. «Они охраняли ее более восьми месяцев, обеспечивая нормальную торговлю и самое существование колчаковского правительства, — писал Жанен, — которое не чувствовало к ним ни малейшей благодарности за эту косвенную, но существенную помощь». Французский генерал обращал внимание, что Нокс «сам обнаруживает некоторую неблагодарность», так как «без чехов его поезд не циркулировал бы в безопасности между Уралом и Байкалом во время его частых переездов по краю, хозяевами которого, вне зоны, занятой моими войсками, с лета 1919 г. фактически являлись повстанцы». Стремясь лишний раз уязвить британского генерала, он писал, что «...если бы в момент окончательного отступления из Омска, к которому приближались красные, он (Нокс. — *Р.Г.*) так же, как и мы, медленно и последовательными этапами проделал бы это путешествие вместо того, чтобы быстро укатить к Великому океану (поезд Нокса отбыл из Омска 7 ноября, Жанена — 8 ноября, но по дороге он останавливался на станциях на разное время. — *Р.Г.*), то, наверное, почувствовал бы, что без охраны железной дороги ни одна из миссий не смогла бы вернуться на родину». Заключая тезис о чехословацких войсках, он указывал Ноксу, что он может быть уверен в том, что они ослушались его «...только один раз, когда 6-й полк, несмотря на вторичный приказ, отказался оставить ранее меня Омск (по плану полк эвакуировался из города 20 октября; 28 октября офицеры полка заявили Жанену, что отказываются уезжать ранее его. — *Р.Г.*), находящийся под угрозой»[17].

Позднее в воспоминаниях Жанен писал, что «...переворот, похоже, готовился заранее». Он «...был осуществлен, безусловно, с поддержкой присутствующих англичан-военных. В Омске, очевидно, все было готово, когда Нокс уехал оттуда, чтобы встретиться со мной. Очевидно, сочли разумным все подготовить до моего приезда в Омск, учитывая

[17] Le journal Siberian du général Janin. P. 22–23; *Жанен [М.]*. Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 160.

Генерал Василий Георгиевич Болдырев

мою дружбу с генералом Болдыревым, одним из членов Директории. Впоследствии я получил полное подтверждение этим своим данным»[18]. В воспоминаниях Жанен пересказывал слова чехословацкого военного министра М.Р. Штефаника после его встречи с британским верховным комиссаром Ч. Элиотом: «“Я (Штефаник. — *Р.Г.*) сказал ему об участии английских офицеров в государственном перевороте, который привел Колчака к власти. Похоже, он ничего не знал, и побледнел, когда я добавил, что один из его офицеров по фамилии Стевени присутствовал на сборище, принявшем решение об убийстве. Тебе это пригодится”»[19].

В своем убеждении Жанен не был одинок. Обвинения в участии британцев в перевороте 18 ноября в 1920–1930-е гг. вслед за ним повторил и ряд членов его миссии.

Находившийся в составе Французской военной миссии в Сибири правый политический деятель Ж. Лази утверждал, что получил информацию о причастности англичан к заговору от генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева, верховного главкома Директории. Он «...убежденно заявил мне, что вдохновителем посягательства на единственное демократическое правительство, какое существовало в России и Сибири, был генерал Нокс, — указывал Лази. — И содействовал он перевороту

---

18 *Janin [M.]* Ma mission en Sibérie, 1918–1920. P. 31.

19 *Janin M.* Moje účast na Československém boji za svobodu. S. 204; *Janin [M.]* Ma mission en Sibérie... P. 63.

Милан Растислав Штефаник

с лихорадочной поспешностью, так как знал, что генерал Жанен уже находится во Владивостоке, поэтому хотел любой ценой попытаться и преуспеть в осуществлении своего плана до прибытия французского генерала, который вполне мог воспрепятствовать подобному деянию». Лази приводил данные, что именно Нокс «...предупредил генерала Болдырева... что в случае, если он помешает перевороту Колчака, то может не рассчитывать ни на моральную, ни на материальную помощь союзников. Генерал Нокс сделал свое заявление от имени всех союзников»[20]. Правда, в «Дневнике» генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева за 25 октября 1918 г. содержится единственное упоминание об «угрозе» Ноксом осуществить переворот, которое явно было шуткой в ходе дружеского общения двух генералов: «В 4 часа приезжал Нокс с Родзянкой (полковник П.П. Родзянко, в 1918 г. поступивший на британскую службу и входивший в состав миссии в Омске. — *Р.Г.*); озабочен размещением батальона (Мидлсекского полка. — *Р.Г.*) прибывающих английских войск. Пил чай, грозил набрать банду и свергнуть нас, если мы не договоримся с сибиряками. “Я становлюсь сибиряком”, — закончил он свою шутку»[21].

---

[20] *Lasies J.* La tragédie sibérienne, le drame d’Ekatérinbourg, la fin de l’amiral Koltchak. Paris, 1921. P. 135–136.

[21] *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) /Под ред., предисл. и прим. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. С. 84.

Чарльз Элиот

Лази задавался вопросом о том, «...своевременно ли был оповещен об этой дерзкой вылазке (заявлении Нокса Болдыреву. — *Р.Г.*) господин Реньо, наш верховный комиссар, или французское правительство, как уже бывало не раз, было поставлено перед свершившимся фактом?». На основе своего общения с чинами британской миссии он заключал: «Ни у одного английского офицера, кроме двух личных друзей генерала Нокса, я не встретил одобрения этого британского милитаристского шага. Повсюду и ото всех слышалась критика». В конечном счете Лази приходил к выводу, полностью совпадавшему с выводом своего шефа: «Мне не понадобилось много времени, чтобы убедиться, что реакционная политика, проводимая адмиралом, в самом скором времени приведет к неминуемой катастрофе». По его мнению, «всемогущему» в Сибири Ноксу противостоял только Жанен, прилагавший «все возможные усилия, чтобы помешать адмиралу следовать по тому пути, какой виделся ему как гибельный. К несчастью, генерал Жанен был одинок в своих действиях, наш верховный комиссар (Э. Реньо, затем Э. Могра. — *Р.Г.*), как мне кажется, мало ему помогал. Возможно, все пошло бы гораздо успешнее, если бы верховный комиссар остался во Владивостоке, а генералу Жанену были поручены в Омске как военные вопросы, так и вопросы дипломатического характера»[22].

---

[22] *Lasies J.* La tragédie sibérienne, le drame d'Ekatérinbourg... P. 147–148.

Лодовейк Херман Грондейс

Входивший в состав французской миссии в Сибири нидерландский корреспондент Л.Х. Грондейс в вышедших в 1922 г. воспоминаниях не приводил никаких свидетельств, которые подтверждали бы уверенность его бывшего шефа и друга в британском следе. При этом он отмечал, что Колчак находился «под большим влиянием английской миссии», а самого адмирала Нокс привез в Омск, «не посоветовавшись предварительно с союзниками». По мнению Грондейса, «...государственный переворот 18 ноября, которому содействовала английская миссия, поставил у власти не комитет политиков, который помогал французской миссии в управлении военными операциями, а русского военного». Следствием этого «подчинение иностранцу» как главнокомандующему всеми антибольшевистскими силами «стало невозможным». По данным Грондейса, вероятно также основанных на информации полученных от неких осведомленных лиц, британцы «...просили у правительства Омска за введение войск на Южном Урале концессию и монополию на использование богатств Туркестана. Понятно, что только автономное русское правительство, обязанное своим существованием англичанам, могло давать подобные концессии»[23]. Правда, этот тезис не подтверждается каким-либо соглашением между Российским правительством и Ве-

[23] *Грондейс* Л. Война в России и Сибири / Под науч. ред. Р.Г. Гагкуева; сост., ред., примеч. и коммент. Р.Г. Гагкуева; пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой; пер. с голл. В.И. Габышева. М., 2018. С. 359, 379, 360.

Жюль Легра

ликобританией, а британские войска так и не появились на Восточном фронте Гражданской войны.

В работе 1939 г. Грондейс повторял мысль об участии британцев в перевороте 18 ноября. «Нет никакого сомнения, что английская миссия сыграла решающую роль в этой драме, — писал он. — Англичанин Стевени присутствовал на сходках заговорщиков, где готовился этот государственный переворот. К тому же и сам адмирал уже на протяжении года (Колчак решил поступить на британскую службу для продолжения участия в мировой войне в декабре 1917 г. — *Р.Г.*) находился в тесных отношениях с англичанами, которые надеялись получить от правительства, обязанного им своим существованием, значительные концессии в Туркестане и на Урале»[24].

Входивший в состав Французской военной миссии в Сибири дивизионный генерал Ж. Пишон (в 1918 г. — подполковник) в своих мемуарах «Государственный переворот адмирала Колчака» писал, что по прибытии 10 ноября 1918 г. из Челябинска в Екатеринбург сразу заметил поезд адмирала Колчака, который «конвоировался английским Мидлсекским батальоном» во главе с полковником Дж. Уордом. Британский батальон со времени отъезда из Владивостока был для Колчака, по мнению Пишона, «преторианской гвардией» (здесь он дословно повторял своего шефа). Появление поезда, «охраняемого в России английскими вой-

[24] *Grondijs L.H.* Le Cas-Koltchak... P. 18.

сками, вызвало не только любопытство, — продолжал он. — Английский батальон, сопровождая адмирала, принял участие в смотре». «Совершенно несомненно, что адмирал, привезенный англичанами из Месопотамии и из Индии (Колчак в конце 1917 г. — начале 1918 г. для службы в британских войсках ехал на Месопотамский фронт, успев добраться через Йокогаму и Шанхай до Сингапура, откуда вернулся в Шанхай, затем поехал в Пекин и в Харбин. — *Р.Г.*), конвоированный во Владивосток и в Сибирь английским батальоном (Колчак прибыл в Омск без сопровождения британского батальона, который приехал в Омск через несколько дней. — *Р.Г.*), был человеком генерала Нокса, — продолжал Пишон. — Но столь же несомненно и то, что не было на нем ни в коей мере французского штемпеля и что обстоятельства, приведшие его к власти, произошли между отъездом из Владивостока генерала Пари и приездом в Омск верховного французского комиссара [Реньо] и находились совершенно вне нашего влияния»[25]. Пишон, сожалея об отсутствии влияния на Колчака со стороны французов, при этом также не приводил никаких подтверждений своей версии о Колчаке как ставленнике британцев.

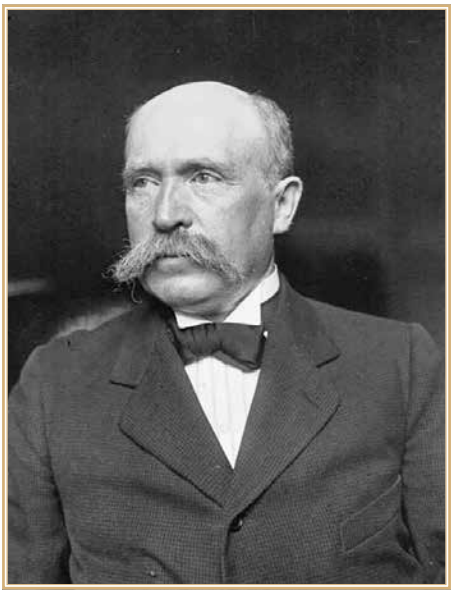
Бригадный генерал Ж.Ж. Рукероль, также входивший в состав Французской военной миссии в Сибири в 1929 г., в мемуарах, вслед за своим шефом, не упоминая имя английского офицера, входившего в круг заговорщиков, также писал о «британском следе»: «Резкое изменение политической обстановки было делом правых партий и в не меньшей степени Англии, чей представитель, английский офицер (речь о Стевени. — *Р.Г.*), присутствовал на собрании, где решился вопрос о государственном перевороте»[26].

Ж. Легра — один из ближайших сотрудников Жанена и его друг, — входивший в состав миссии в Сибири, в 1928 г. дополняя изданные им ранее отрывки из сибирского дневника французского генерала, также следовал версии «британского следа». Он писал, что Колчак, ранее перебравшийся в Великобританию и ехавший весной 1918 г. в Месопотамию, «был отправлен в Сибирь англичанами», которые предоставили ему средства на дорогу до Владивостока. Легра довольно подробно описывал неудачную попытку Колчака встать во главе борьбы с советской властью на Дальнем Востоке, его взаимоотношения с генерал-лейтенантом Д.Г. Хорватом и японцами. По мнению француза, у адмирала

---

[25] *Pichon.* Le coup d'État de l'amiral Kolcak // Le Monde slave. 1925. № 2. P. 251–252, 258–259.

[26] *Rouquerol J.* La guerre des rouges et des blancs: laventure de l'amiral Koltchak. Paris, 1929. P. 44.



Жозеф Нуланс

«...не было секретов от англичан во главе с генералом Ноксом, который пользовался его доверием». «Мне говорили, и факты этого не опровергают, что приготовления к государственному перевороту производились в согласии с офицерами связи из английской миссии, — писал Легра, — кроме того, один офицер связи из французской миссии, не принимая участия в подготовке, был, однако, кажется, очень в курсе дела и был очень счастлив тем, что замышлялось. Итак, у меня такое впечатление, что переворот 17 ноября (так в тексте. — *Р.Г.*) по существу — переворот военный, причем не только из-за личности адмирала и тех, кто его осуществил, но и из-за личности доверенных лиц. Если же это так, то для меня, хорошо знающего направление русских офицеров, ясно, что это — переворот, подготовляющий реставрацию». Он также повторил ранее высказанное Лази утверждение о предупреждении Болдырева Ноксом, что при его выступлении против Колчака он «не получит никакой помощи от английской стороны». Оговариваясь, что у него нет подтверждения достоверности этого разговора, он отмечал, что в целом такая информация «полностью соответствовала духу, царящему в английской миссии»[27]. Признание Легра свидетельствует о том, что в курсе подготовки переворота могли быть не только англичане, но и французы.

---

[27] *Legras J.* L'agonie de la Sibérie (1918–1920) // Le Monde slave. 1928. № 2. P. 164, 166–167.

Наконец, французский посол Ж. Нуланс, находившийся во время ноябрьских событий 1918 г. в Архангельске, в воспоминаниях был убежден, что «переворот был осуществлен при пособничестве английского генерала Нокса»[28].

Как видно, большинство участников и очевидцев событий из числа французских военных и дипломатов сходились в ключевой роли Великобритании не только в ее участии в событиях 18 ноября, но и в целом в выдвижении кандидатуры Колчака в качестве диктатора и его дальнейшей поддержке. Насколько версия событий о британском участии в перевороте 18 ноября 1918 г. подтверждается документами? Отдельные «глухие» упоминания об участии генерала Нокса и офицеров его миссии в заговоре и продвижении Колчака к власти содержатся в ряде документов и воспоминаний русских и британских политических и военных деятелей.

Так, эсер В.И. Лебедев, в 1918 г. входивший в Военный штаб Комитета Учредительного собрания и участвовавший в Уфимском совещании, 3 апреля 1920 г. в интервью французской прессе заявлял о Колчаке: «Он был ставленником Англии и опирался практически исключительно на иностранные штыки: японские, английские, польские и т. д. [...] Изначально слепое орудие в руках английского генерала Нокса, Колчак стал марионеткой в руках казачьих атаманов, поддерживаемых японцами. Русский народ, видевший в адмирале обычного агента англичан и японцев, считал его и агентом Франции»[29]. Эсер Н.В. Святицкий, в 1918 г. входивший в состав Комитета Учредительного собрания, а впоследствии выступавший за сотрудничество с большевиками, в 1920 г. в работе «Реакция и народовластие» писал: «...злые языки говорят о непосредственном участии в перевороте Нокса» и что «само существование Всероссийского правительства не столь улыбается союзникам, предпочитающим иметь дело с отдельными сепаратными областными правительствами, очевидно, надеясь извлечь из их существования наибольшие для себя экономические и иные выгоды»[30].

Непосредственный участник событий 18 ноября 1918 г. в Омске британский полковник Дж. Уорд, командовавший 25-м батальоном Мидлсекского полка, в вышедших в 1920 г. в Лондоне воспоминаниях скорее

---

28 *Noulens J.* Mon embassade en Russie soviétique. Vol. II. Paris, 1933. P. 255.

29 Une Declaration de M. Lebedeff aneien minister du cabinet Kerensky // Excelsior: journal illustré quotidien. № 3401. 3 April 1920. P. 2.

30 *Святицкий Н.В.* Реакция и народовластие (Очерк событий на востоке России). М., 1920. С. 26, 34.

запутал, чем прояснил возможную роль англичан в событиях. Наряду со многими интересными фактами, которые он приводил, очевидно и его стремление показать важность своей роли, а также преувеличить боевую значимость находившихся под его командованием резервистов. «...В то же время, как с внешней стороны я оставался нейтральным, я постоянно делал указания и давал советы, когда он (Колчак. — *Р.Г.*) просил их, относительно всего, что касалось и внутренних и внешних дел». Вместе с тем вопрос о том, будут ли британцы защищать нашедших убежище в расположении батальона от выступивших против переворотчиков русских или чешских войск, по всей видимости, действительно имел 18 ноября немалое значение. В каком-либо столкновении с войсками союзников не были заинтересованы ни русские военные (вне зависимости от их позиции), ни чехословаки. Не случайно Уорд акцентировал внимание на том, что пока у членов Совета министров и Колчака «...не было полного представления о позиции Британии» в отношении возможной враждебной позиции чехословаков к перевороту, они «не могли принять окончательного решения»[31].

Уорд довольно двусмысленно писал об отданном им в день переворота приказе об охране расположения батальона, расквартированного в соседнем с русской Ставкой здании. С одной стороны, он указывал на необходимость обеспечения безопасности своих чинов, с другой — эти меры одновременно защищали членов Совета министров, собравшихся утром 18 ноября на экстренное заседание и провозгласивших Верховным правителем адмирала Колчака. «Дела были в таком состоянии напряжения, что я для безопасности своей команды уведомил как русских, так и чешских властей, что не позволю группам войск или каким-либо гражданам приближаться или собираться вблизи моего расположения, — писал Уорд, — что всякое такое сборище или попытка приблизиться будут сочтены враждебным актом и на него будет отвечено соответствующим образом». По его определению, «...позиция чешских войск в Омске сделала невозможным для них приближение к месту, где заседали министры, без того, чтобы не наткнуться на британцев, а мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры». Все это было, как писал Уорд, «...одним из неизбежных следствий наших приготовлений к самозащите и не имело

---

[31] *Ward J.* With the «Die-Hards» in Siberia. London, 1920. P. 155, 163; *Уорд Дж.* Союзная интервенция в Сибири, 1918–1919 гг.: Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда / С предисл. И. Майского. М.; Пг., 1923. С. 81, 89.

Иван Михайлович Майский

характера влияния на их (членов Совета министров. — *Р.Г.*) решения, которые всецело принадлежали им одним; но это придало устойчивость всей обстановке». Подобная демонстрация со стороны батальона хотя и не была непосредственным участием в событиях, но в явном виде показывала симпатии британских военных в Омске[32].

Советский дипломат, а в годы Гражданской войны — меньшевик и противник советской власти И.И. Майский, по приглашению Директории прибывший в Омск в октябре 1918 г., непосредственно наблюдал за переворотом 18 ноября. В предисловии к упоминавшимся воспоминаниям полковника Дж. Уорда, опубликованным в СССР в 1923 г., писал, что «очень хорошо» помнил, «что в Омске в тот период... открыто говорили о весьма активном участии английской миссии, и в частности ее главы, ген[ерала] Нокса, в перевороте 18 ноября. Рассказывали, что накануне переворота на собрании офицеров-заговорщиков, арестовавших членов Директории, присутствовал представитель ген[ерала] Нокса, который благословил заговорщиков на задуманное ими дело». «Не знаю, верны ли все эти подробности, но зато знаю очень хорошо, что сущность тогдашних омских разговоров вполне соответствовала действительности», — заключал он[33], никак не подтверждая пересказан-

---

32 *Ward J.* With the «Die-Hards» in Siberia. P. 155–156; *Уорд Дж.* Союзная интервенция в Сибири... С. 81–82.

33 *Майский И.* Предисловие к русскому изданию // *Уорд Дж.* Союзная интервенция в Сибири... С. 78.

ные им слухи. В вышедших отдельной книгой в 1923 г. воспоминаниях Майский полагал, что «не подлежит сомнению» то обстоятельство, что свержение Директории «санкционировали находившиеся тогда в Сибири английский генерал Нокс и французский генерал Жанен»[34]. Едва ли Майский имел в своем распоряжении какие-либо документальные свидетельства, скорее воспроизводил ходившие в Омске слухи, а также следовал общей оценке роли интервентов в Гражданской войне, сложившейся к тому времени в СССР.

Эсер и историк революционного движения Е.Е. Колосов, находившийся во время Гражданской войны в Сибири, в 1923 г. писал, что «...переворот 18 ноября — есть дело сибирской реакции... но появление на посту верховного правителя адмир[ала] Колчака — это дело, бывшее чрезвычайно желательным для англичан, если не прямо их рук дело». «...Позволю себе здесь утверждать, — вспоминал Колосов, — что еще в октябре 1918 г. ген[ерал] Нокс при поездках по Сибири усиленно зондировал почву в разных городах на предмет возможных перемен в организации власти, причем то тут, то там он называл и определенные имена, в том числе и адмир[ала] Колчака. [...] Но, какую бы роль ни играл ген[ерал] Нокс до переворота 18 ноября, во всяком случае, после переворота он сделался самым энергичным и самым сильным союзником Колчака...» Заявляя в конечном счете, «...что Англия в лице своих дипломатов приложила руку к перевороту 18 ноября» и «теперь не представляет спора», Колосов также не приводил никаких документов[35]. Единственным «доказательством» была ссылка на «генерала» Феодоровича[36], который после известия о перевороте 18 ноября, находясь в Красноярске, заявлял на собранном им совещании «о бесполезности каких бы то ни было протестов против» Колчака, так как «то, что произошло, было сделано с согласия и при участии союзников, в частности англичан»[37].

Чешский писатель, коммунист Я. Кратохвил, в годы Гражданской войны в России дослужившийся до чина майора и командовавший батальоном 5-го Чехословацкого стрелкового полка, в 1922 г. в книге «Путь революции» цитировал заявления М. Штефаника к чехосло-

---

34 *Майский И.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 334–335.

35 *Колосов Е. [Е.]* Как это было? (Массовые убийства при Колчаке в декабре 1918 г. в Омске и гибель Н.В. Фомина) // Былое. № 21. Пг., 1923. С. 256–257.

36 Вероятно, речь шла о капитане 1-го ранга М.И. Федоровиче (1872–1936), который в 1918–1919 гг. в числе прочих занимал должности начальника гарнизона и коменданта Томска и Красноярска.

37 *Колосов Е.[Е.]* Как это было? С. 257–258.

Виктор Николаевич Пепеляев

вацким войскам в Сибири: «Не смотрите односторонне на омские события. Переворот не был приготовлен только в Омске, главное решение было в Версале»[38]. В 1923 г. эти же выдержки из выступлений М.Р. Штефаника по прибытии в Сибирь перепечатал из книги Кратохвила чешский коммунист Б. Шмераль[39]. Военный министр Чехословакии Штефаник, столкнувшийся по приезде в Россию в ноябре 1918 г. с моральным упадком в чехословацких частях, в массе своей негативно отнесшихся к свержению Директории, вполне мог выступить с подобным заявлением с целью снизить остроту ситуации. Такой «обман во благо» также вполне мог послужить одним из оснований для ходивших в Сибири слухов.

Историк С.П. Мельгунов еще в 1930 г. писал о предоставленном ему свидетельстве (к сожалению, известном только в его пересказе) о подготовке и осуществлении переворота, написанном полковником Г.В. Щепиным. В ноябре 1918 г. в чине капитана он был помощником одного из главных участников заговора — полковника А.Д. Сыромятникова. Щепин сообщал Мельгунову о том, что заговорщики посвятили в подробности подготовки заговора британского офицера члена Британской военной миссии в Сибири полковника Дж. Нилсона[40]. В сохранив-

38 *Kratochvil J.* Cesta revoluce (československé legie v Rusku). Praha, 1922. S. 256.

39 *Шмераль Б.* Чехословаки и эсеры. М., 1923. С. 21.

40 *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. С. 461–462.

Иван Адрианович Михайлов

шихся отрывках из дневника В.Н. Пепеляева, опубликованных в СССР, будущий председатель Российского правительства в записи от 19 ноября 1918 г. фиксировал: «Англичане довольны. Уорд заявил Колчаку, что англ[ийская] часть в Омске (25-й батальон Мидлсекского полка. — *Р.Г.*) в распоряжении адмирала. Французы доброжелательно нажимают на чехов в целях их нейтрализования»[41].

Один из наиболее значимых введенных в научный оборот источников — письмо деятельного участника переворота 18 ноября 1918 г. полковника А.Д. Сыромятникова министру финансов Российского правительства И.А. Михайлову, написанное 14 апреля 1919 г. и содержащее подробности подготовки заговора. В дни переворота Сыромятников в чине подполковника занимал должность временно исполняющего должность 1-го генерал-квартирмейстера при начальнике Штаба Ставки генерал-лейтенанте С.Н. Розанове, имевшую большое значение для реализации заговора.

Документ, впервые проанализированный Г.З. Иоффе в 1983 г.[42], полностью был введен в научный оборот В.И. Шишкиным в 1989 г.[43] Шишкин справедливо обращает внимание на высокую степень досто-

---

41 Дневник Пепеляева // Красные зори. № 4. Иркутск, 1923. С. 88.

42 *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 135, 138–140.

43 *Шишкин В.И.* К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1989. Вып. 1. С. 59–63.

Генерал Сергей Николаевич Розанов

верности документа, написанного 19 апреля 1919 г. — спустя всего пять месяцев после событий. Один участник заговора писал другому — министру финансов И.А. Михайлову — с целью обратить его внимание на незаслуженно обойденный вниманием ряд второстепенных участников переворота. В письме Сыромятников указывал, что именно на него выпала задача организовать переворот в военном отношении «...и обеспечить нейтралитет союзников при перевороте». Как одно из условий обеспечения успеха заговора Сыромятников обозначал «...ручательство за союзников в том, что они не будут предпринимать контрмер при перевороте». В результате, писал он И.А. Михайлову, это условие было достигнуто «заверением мне полковником Нельсоном (так в тексте. — *Р.Г.*) и капитаном Стевени и после их информации мною о перевороте, что англичане, а следовательно и французы, могут гарантировать свой нейтралитет лишь при условии бескровности переворота»[44]. Как видно, стоявший в центре осуществления заговора А.Д. Сыромятников писал об информировании союзных представительств — и англичан, и французов — о предстоящем перевороте и заручательстве их нейтралитета в ходе предстоящего свержения Директории, но не об участии в подготовке и осуществлении этого события.

Одним из наиболее значимых свидетельств в пользу британского следа стали мемуары подполковника И.А. Бафталовского, написанные

[44] *Шишкин В.И.* К истории колчаковского переворота. С. 60.

в апреле 1925 г. в Тунисе[45]. В ноябре 1918 г. в чине капитана он был начальником разведывательного отделения штаба 2-го Степного Сибирского корпуса. Впервые на воспоминания Бафталовского в 1930 г. обратил внимание С.П. Мельгунов, оценивший эти мемуары, как источник, не высоко, указывая, что в них «...столь определенно чувствуются позднейшие наслоения, что подвергать их детальному критическому анализу не стоит»; в них «суммированы различные данные, слухи, разговоры в одну общую картину, которая в силу уже этого получается мало правдоподобной»[46]. Более подробно, с публикацией цитат, мемуары в 1983 г. были задействованы Г.З. Иоффе[47].

Бафталовский приводит ряд интересных подробностей, большая часть которых нуждается в проверке другими источниками. Вопрос участия союзников в перевороте мемуары скорее еще более запутывают, чем проясняют. Вызывает сомнение само перечисление Бафталовским тех, кто был недоволен властью Директории: французского и британского верховных комиссаров Э. Реньо и Ч. Элиота, а также глав французской, британской и американской военных миссий[48]. Между тем Жанен, чье отношение к перевороту мы знаем из его рапортов 1918 г., к тому времени еще не успел доехать до Омска, Нокс отправился в командировку во Владивосток, а Элиот давно находился в нем.

«Реальные силы Омского гарнизона составляли, — перечислял Бафталовский войска в белой столице, — Сибирская казачья дивизия — неполного состава, отряд атамана Красильникова, две кадровые бригады и тыловые части Сибирской армии. Вооруженные силы союзников выражались: английским батальоном полковника Уорда и тяжелой французской батареей». Говоря о британцах, Бафталовский неоднократно упоминает о готовности их войск поддержать заговорщиков. «Следует отметить благородный жест полковника Уорда, давшего свое согласие на поддержку выступления вверенным ему батальоном, который в любой момент был готов оказать помощь русским патриотам», — отмечал он, сообщая далее о боевой готовности батальона[49]. В ночь переворота, отвечая на вопросы своего начальника подполковника Л.Д. Василенко,

---

45 *Бафталовский И.А.* 18 ноября 1918 г. Воспоминания // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 1–16.

46 *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. С. 432.

47 *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 138, 141, 144–145.

48 *Бафталовский И.А.* 18 ноября 1918 г. Л. 3.

49 Там же. Л. 3, 5.

Игорь Адамович Бафталовский

начальника штаба 2-го Степного Сибирского корпуса, о том, учли ли заговорщики «мировое положение» и «что скажут союзники?», Бафталовский уверенно отвечал: «Все учтено и все взвешено... батальон полковника Уорда в полной боевой готовности для отражения контрмер сторонников Директории»[50].

Воспоминания Бафталовского, с одной стороны, представляют собой один из немногих источников, в которых рассказ о событиях 18 ноября 1918 г. ведет их непосредственный участник. С другой — помимо отмеченных Мельгуновым «позднейших наслоений» в тексте, важно принимать в расчет тот факт, что сам Бафталовский был посвящен в детали заговора только утром 17 ноября — в самый последний момент, с расчетом на нейтрализацию возможных действий 2-го Степного Сибирского корпуса по освобождению арестованных членов Директории. О возможном участии британцев в подготовке переворота, как и многие другие подробности событий, Бафталовский знал только со слов посвятившего его в подробности заговора подполковника А.Д. Сыромятникова. Последний был заинтересован как можно более выгодно представить план переворота и привлечь Бафталовского в ряды заговорщиков.

Вопрос о возможной роли британцев в приходе Колчака к власти и перевороте 18 ноября 1918 г., степени их участия в этих событиях

[50] Там же. Л. 7.

к настоящему времени имеет большую историографию. В советской исторической науке тезис о роли интервентов в установлении в Сибири контрреволюционной диктатуры не требовал каких-то дополнительных доказательств, в силу чего долгое время не исследовался подробно. Считалось, что и британцы, и французы, будучи заинтересованными в ликвидации советской власти и эксплуатации России, были заинтересованы в своем ставленнике во главе контрреволюции. Еще в 1925 г. И. Субботовский без какой-либо ссылки на документы утверждал, что британский генерал Нокс «...являлся и одним из тех военных иностранцев, которым обязан Колчак своим появлением на посту верховного правителя»; англичане «всячески покровительствовали» Колчаку и видели в нем «единственного человека, который достоин занять этот ответственный пост»[51]. В вышедшем в 1958 г. четвертом томе «Истории гражданской войны» лаконично указывалось: «...В ночь на 18 ноября 1918 г. по директиве интервентов кадеты с помощью надежных офицеров произвели в Омске военный “переворот”»[52].

Л.М. Спирин в 1957 г. в первом появившемся в СССР подробном исследовании о Восточном фронте контрреволюции, описывая подготовку и проведение переворота 18 ноября, подразумевал участие в нем британцев. Он указывал, что в перевороте «...приняли активное участие Гайда и Уорд», а также упоминал об участии капитана Стевени в совещании заговорщиков накануне переворота 17 ноября. «Во время переворота и в первые дни после него английские войска, расквартированные в Омске, находились в полной боевой готовности, чтобы в случае надобности немедленно оказать помощь Колчаку», — писал Спирин, заключая, что «...ставя Колчака у власти, империалисты Антанты хотели объединить вокруг него белогвардейские силы»[53].

Первым подробно изучил подготовку заговора и переворот 18 ноября в отечественной историографии Г.З. Иоффе. Основываясь, в том числе, на данных британских историков, он предположил, что Нилсон и Стевени не только были осведомлены, но и участвовали в заговоре против Директории. Иоффе привел выдержки из архивных документов, дающих дополнительные подробности о подготовке переворота.

---

[51] *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция: Краткий обзор (Исключительно по официальным архивным документам Колчаковского правительства). Л., 1926. С. 25–26.

[52] История гражданской войны в СССР. Т. 4 / Ред. колл. С.Ф. Найда, Г.Д. Обичкин, А.А. Стручков и др. М., 1958. С. 562.

[53] *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 14–16.

Наиболее важные из них — уже упоминавшиеся письмо полковника А.Д. Сыромятникова и воспоминания капитана И.А. Бафталовского[54].

Эмигрантская историография отдельно почти не касалась вопроса роли британцев в приходе Колчака к власти. Для большинства очевидцев событий и всех писавших о событиях ноября 1918 г. этот вопрос был очевиден и британского следа в приходе Колчака к власти не было.

Тем не менее вслед за французскими мемуаристами некоторые из историков повторяли тезис о роли британских военных представителей в перевороте. П.Н. Милюков в 1922 г. в работе «Россия сегодня и завтра» без каких-либо ссылок на документы писал об одобрении переворота 18 ноября генералом Ноксом[55]. В вышедшем в 1927 г. втором томе книги «Россия на переломе» он указывал, что «...весьма горячим сторонником Колчака был представитель английской миссии, ген[ерал] Нокс, которому приписывали самое создание “диктатуры” Колчака», ссылаясь при этом на публикацию Жанена в «Лё Монд слав» и его последующую полемику с генералом Ноксом[56].

Одним из первых вопрос участия британцев в приходе Колчака к власти подробно был проанализирован историком С.П. Мельгуновым в 1930 г. в первом томе «Трагедии адмирала Колчака». Он отмечал, что генерал Жанен «с удивительной легкостью» повторял «популярную одно время у иностранцев наивную легенду» о британском следе в приходе Колчака к власти. Мельгунов указывал, что все доказательства Жанена об участии англичан в заговоре «сводятся к рассказам, которые он и его подчиненные слышали в Сибири по поводу екатеринбургского смотра 10 ноября и присутствия адъютанта ген[ерала] Нокса на каком-то заговорщическом собрании». «Доказательства не из сильных — слухами Сибирь была полна», — заключал он[57]. Он пересказывал уже упоминавшееся письмо генерала Нокса, в котором тот сообщал ему, что узнал о подготовке переворота за два–три дня до его осуществления в Манчжурии и не исключал, что «некоторые члены его миссии (напр., полк[овник] Нилсон) могли быть осведомлены о готовящемся выступлении и принять участие в одном из многочисленных собраний в Омске, где обсуждался переворот». Мельгунов не ставил знак равенства между подобным признанием британского генерала и утверждением,

---

54 *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 138, 140.

55 *Milyukov P.N.* Russia Today and Tomorrow. New York, 1922. P. 152.

56 *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Т. II. Антибольшевицкое движение. Париж, 1927. С. 125.

57 *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. С. 435–437.

что Нокс «официально санкционировал переворот», а чины его миссии были «чуть ли не инициаторы этого акта»[58].

Генерал-лейтенант Н.Н. Головин, в 1937 г. написавший исследование о русской контрреволюции, в первый год Гражданской войны отмечал, что «решительные меры», предпринятые командиром находившегося в Омске 25-го батальона Мидлсекского полка полковником Дж. Уордом, на случай возможных попыток вмешательства чехословацких войск в российские дела, «послужили главным основанием для создания легенды о том, что и самый переворот был подготовлен Британской миссией». Головин указывал, что «...легенда эта усиленно поддерживается в писаниях представителей Французской военной миссии с генералом Жаненом во главе, ревниво относившихся к британскому влиянию в окружении адмирала А.В. Колчака»[59].

За рубежом осуществление переворота 18 ноября 1918 г. стало предметом повышенного внимания еще довоенной историографии. Американский журналист У.Г. Чемберлин, в 1919–1920 гг. сотрудник газеты «Нью-Йорк трибюн», в книге 1935 г. «Русская революция 1917–1921 гг.» отмечал, что вне зависимости от степени осведомленности британских представителей о предстоящем перевороте они были несомненно удовлетворены его результатом. Он указывал, что «французы, похоже, разделяли это удовлетворение, если судить по инструкциям Жанена чехам из Владивостока о сохранении строгого нейтралитета». По его мнению, такая линия действий была благоприятной для адмирала Колчака. Чемберлин также приводил в обоснование своего мнения цитату из дневника В.Н. Пепеляева за 19 ноября 1918 г., в которой говорилось о «доброжелательном» нажиме французов на чехов для их нейтрализации[60].

Вопрос возможного участия британцев в заговоре против Директории впервые подробно проанализировали британские историки П. Флеминг и Р. Ульман. Первый в вышедшей в 1963 г. книге «Судьба адмирала Колчака»[61], анализируя документы, приходил к выводу об отсутствии британского следа в перевороте. Он указывал, что в пользу участия в заговоре против Директории британских офицеров, как правило, приводится факт возвращения в Омск из Екатеринбурга накануне переворота вместе с Колчаком полковника Дж. Уорда и офицеров 25-го батальона

---

58 Там же. С. 440.

59 *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. / Коммент. С.В. Волкова. Т. 2. М., 2011. С. 336–337.

60 *Chamberlin W.H.* The Russian Revolution 1917–1921. T. 2. London, 1935. P. 180.

61 *Fleming P.* The Fate of Admiral Kolchak. New York, 1963. 253 p.

Мидлсекского полка, расквартированного в соседнем со Ставкой здании. Среди тех, кто прибыл в Омск накануне переворота, были также два члена британской военной миссии, часто общавшиеся с Колчаком — полковник Дж. Нилсон и капитан Л. Стевени (первая встреча с последним у Колчака состоялась еще во Владивостоке). Флеминг отмечал, что полковник Нилсон уже после совершившегося переворота оказался в Ставке в тот момент, когда Колчак уезжал из нее. Адмирал предложил подвезти Нилсона, и он принял его приглашение, «а французы (Жанен и ряд офицеров миссии. — *Р.Г.*) по-своему истолковали сей факт: верховный правитель впервые после *переворота* появился на публике вместе с *серым кардиналом* в хаки (т. е. Нилсоном. — *Р.Г.*)»[62].

Флеминг впервые привел документы самих британцев относительно возможного участия в заговоре Нилсона. 28 ноября 1918 г. находившийся во Владивостоке генерал Нокс телеграфировал Нилсону в Омск директиву Военного министерства о недопущении английскими солдатами и офицерами какого-либо участия «в любых операциях или движениях политического характера». 1 декабря в Омск пришла телеграмма Ноксу от начальника Генерального штаба и члена Военного кабинета Г.Х. Уилсона с выговором полковнику Нилсону. «Вы должны проинформировать полковника Нилсона о том, что его недавнее участие в политических делах рассматривается Министерством иностранных дел как крайне неблагоразумное и компрометирующее правительство его величества, — говорилось в ней. — Со стороны может показаться, что правительство вмешивается в *сибирские* дела, поддерживая одну-единственную партию. Хотя мы высоко ценим рвение и энергичность Нилсона, предостерегите его от любых действий подобного рода». Нилсона обязали подготовить рапорт о его деятельности накануне переворота 18 ноября, который был представлен в Лондон в марте 1919 г. В нем он подчеркивал, что «...сознавал, что замышляется государственный переворот, и ясно дал понять, что британцы не будут принимать в нем участие». По итогам рапорта командование пришло к выводу, что «Нилсон полностью очистил себя от подозрений»[63].

Подробно разбирая документы, Флеминг приходил к выводу, что Нилсон и Стевени были в курсе заговора, но не участвовали в нем, так как не были близко знакомы ни с кем из многочисленных противников

---

62 *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака, 1917–1920 / [Пер. с англ. Л.А. Игоревского]. М., 2006. С. 78–79.

63 Там же. С. 79–80.

Директории. Британский историк предполагал, что русские участники заговора в любом случае не доверились бы иностранным офицерам и тем более не подчинились бы им. Флеминг указывал на два факта, опровергающих возможность участия британцев в заговоре. Во-первых, еще 7 ноября — за десять дней до переворота, перед отъездом из Омска во Владивосток на встречу с генералом Жаненом, — Нокс докладывал в Лондон в Военное министерство: «Правые элементы подстрекают Колчака к совершению государственного переворота. Я сказал ему, что любая подобная попытка в данный момент была бы роковой». Во-вторых, он обращал внимание на реакцию на переворот 18 ноября в самой Великобритании. «С заговорщической точки зрения там должно было царить ликование, — писал Флеминг. — Реакция была диаметрально противоположной. “Крайне неудачное развитие событий... Похоже на настоящую катастрофу... Колоссальное препятствие нашим планам” — именно такими фразами отреагировал Лондон на новости из Омска». Главную причину такой реакции Великобритании Флеминг усматривал в том, что ее правительство 14 ноября 1918 г. приняло решение де-факто признать Директорию в качестве правительства России[64].

Другой британский историк Р. Ульман в двухтомном издании «Англо-советские отношения, 1917–1921», подробно анализирует возможное участие британских офицеров в заговоре. Он приводит высказанную Жаненом в рапорте 1920 г. и воспоминаниях версию британского следа, а также мнения еще двух французов — генерала Рукероля и посла Нуланса. Задаваясь вопросом о возможном участии Великобритании в перевороте 18 ноября, Ульман приходил к выводу, что британское правительство не принимало какого-либо участия в омских событиях, так как буквально накануне, 14 ноября 1918 г., приняло решение о признании Директории. Такой шаг, по мнению Ульмана, едва ли был бы сделан, если бы в Лондоне имели хоть какое-то представление о предстоящих событиях. В отношении Нокса историк считал, что выяснить его роль в перевороте наверняка не представляется возможным, высказывая предположение, что участие британского генерала в деле все же ограничивалось сочувствием заговорщикам[65].

---

64 Там же. С. 78, 80.

65 *Ullman R.H.* Anglo-soviet Relations, 1917–1921. V. I: Intervention and the War. London, 1968. P. 279–281.

Ульман писал, что приход Колчака к власти в результате переворота был встречен с горячим одобрением британскими военными представителями в Сибири. Он отмечал наличие некоторых признаков того, что офицеры британской миссии в Омске попустительствовали перевороту, и не сомневался, что чины 25-го батальона Мидлсекского полка своим присутствием препятствовали возможному вмешательству других вооруженных сил, указывая на чехословацкие части[66]. Хотя еще 7 ноября в телеграмме в Военное министерство Нокс сообщал о высказанном им Колчаку предупреждении, что захват адмиралом высшей власти может быть роковым, позднее он положительно отзывался о произошедших в Омске событиях. 21 ноября из Владивостока он телеграфировал находившемуся в Сибири во главе канадских экспедиционных сил бригадному генералу Дж.Х. Элмсли: «Эта бескровная революция была необходима, поскольку социалисты-революционеры вели интриги по подрыву дисциплины в войсках». «С союзной точки зрения безразлично, — продолжал Нокс, — каков будет облик правительства, в том случае, если оно будет сильным, справедливым, готовым и способным защитить новую русскую армию от интернационалистской и прочей вредной пропаганды. Колчак честный, патриотично настроенный и способный. Он самый лучший человек для этой должности в Сибири»[67].

Ульман также приводил выдержки из архивных документов, касающихся Нилсона и его возможного участия в перевороте. В их числе была уже упоминавшаяся телеграмма начальника британского Генштаба Г.Х. Уилсона от 1 декабря 1918 г. с выговором полковнику Дж. Нилсону. Кроме того, он давал информацию о запросе 5 марта 1919 г. британским Военным министерством, обеспокоенным возможной причастностью к ноябрьским событиям в Омске чинов миссии в Сибири, подробного доклада у Нокса о действиях Нилсона. Подготовленные Нилсоном документы о своей деятельности осенью 1918 г. Ульман не приводил. При этом историк цитировал телеграмму Нокса от 9 марта 1919 г., в которой глава британской миссии сообщал в Военное министерство, что не считает, что Нилсон или капитан Стевени совершили какую-либо «глупость»[68].

Американский историк Дж. Бредли в работах 1960–1970-х гг. обращал внимание на убежденность французов в том, что вся интрига

---

66 *Ullman R.H.* Anglo-soviet Relations, 1917–1921. V. II: Britain and the Russian Civil War. London, 1968. P. 33–34.

67 *Ullman R.H.* Anglo-soviet Relations. V. II. P. 34.

68 Ibid.

в Омске была подстроена британцами, извлекшими из этого свою выгоду. В дальнейшем это привело к подозрениям, ссорам и упрекам между англичанами и французами. Он отмечал, что Жанен был потрясен переворотом и искренне считал, что Колчак «британская марионетка, а переворот — дело рук Британии». При этом Бредли указывал, что предполагаемая британская поддержка переворота была сугубо местной и явно несанкционированной, так как официальный Лондон готовился признать Директорию де-факто в качестве всероссийской власти и признание не было опубликовано только ввиду получения сообщения о событиях 18 ноября[69].

Британский историк М. Кеттл в своем исследовании постарался максимально использовать имеющиеся документы британских Министерства иностранных дел и Военного министерства. В 1992 г. он в выдержках опубликовал большую часть как отчета полковника Дж. Нилсона и другие его записи о событиях, связанных с переворотом 18 ноября, так и телеграммы британского МИДа, генерала А. Нокса, верховного комиссара Ч. Элиота и ряда других участников и очевидцев событий. По мнению Кеттла, когда Нокс в начале ноября отправлялся из Омска для встречи с прибывшим во Владивосток генералом Жаненом, он уже знал, что военный министр нового правительства Директории А.В. Колчак получил от правого политического крыла предложение совершить государственный переворот[70]. Подобное утверждение согласуется с телеграммой, отправленной Ноксом в Военное министерство 7 ноября.

21 ноября 1918 г. в Лондон пришли две телеграммы: от полковника Дж.Ф. Нилсона и британского верховного комиссара Ч. Элиота, сообщавшие о государственном перевороте. Обе они были отправлены 19 ноября, сразу по завершении переворота в Омске. Нилсон заявлял, что это была «абсолютно честная попытка» восстановить порядок; он считал Колчака искренним человеком и заявил, что «готов это гарантировать». В свою очередь Элиот, находившийся к тому времени во Владивостоке, был настроен пессимистично. По его мнению, после того как Восточный фронт установит связь с Южной Россией, Колчак недолго останется у власти в качестве лидера всей страны. Элиот также указывал на двух врагов Колчака: японцев, выступавших против любого сильного

---

69 *Bradley J.F.N.* Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York, 1968. P. 113, 119–120; *Bradley J.F.N.* Civil war in Russia, 1917–1920. London; Sydney, 1975. P. 74.

70 *Kettle M.* Churchill and the Archangel Fiasco, November 1918 — July 1919. New York, 1992. P. 11.

общероссийского правительства, и чехословаков, увидевших, что все их усилия в борьбе с большевиками привели к установлению диктатуры[71].

Тем временем из Владивостока пришла еще одна секретная телеграмма от верховного комиссара Элиота. «Генерал Нокс оставил в Омске полковника Нилсона не проконсультировавшись со мной, а я считал, что в его ведении были только вопросы снабжения и боевой подготовки, — заявлял британский верховный комиссар. — В то же время недавно он проявил неосторожную политическую активность. В частности, он сообщает о том, что нанес визит французскому верховному комиссару [Реньо] вместе с Колчаком и совместно с Колчаком просил его дать указания чехам произвести какие-то аресты. Если бы его телеграммы, продемонстрированные мне генералом Ноксом, были опубликованы целиком, все бы решили, что недавний государственный переворот в Омске подготовлен и произведен под руководством британского правительства». Элиот считал, что лучше было убрать Нилсона из Омска и возложить на него чисто военные обязанности где-нибудь в другом месте: «Генерал Нокс не совсем с этим согласен, но признает, что полковник Нилсон проявил бестактность. Я бы очень не хотел иметь никаких личных проблем с генералом Ноксом, но я не думаю, что есть понимание, до какой степени он навлек подозрение японцев и даже французов»[72].

Министерство иностранных дел Великобритании рассмотрело телеграмму 26 ноября. 29 ноября МИД направил Элиоту ответ, в котором говорилось, что Военному министерству рекомендовано сделать полковнику Нилсону строгое предупреждение о необходимости воздержаться от участия в каких-либо политических акциях. По общему мнению, этого было достаточно, чтобы не спешить «...с переводом полковника Нилсона из Омска, так как он один из самых эффективных и наиболее квалифицированных офицеров, что у нас есть для работы с русскими[73], — сообщалось в ответе. — Тем не менее, если у Вас будут новые доказательства того, что деятельность полковника Нилсона определенно скомпрометировала правительство Его Величества и создала

---

[71] Ibid. P. 18–19.

[72] Ibid. P. 20.

[73] Нилсон, еще в чине капитана, впервые прибыл в Россию еще в декабре 1913 г. для изучения русского языка, а позднее был назначен британским офицером связи при штабе главкома армий Северо-Западного фронта генерала от кавалерии Я.Г. Жилинского. Покинул Россию Нилсон 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.), вновь вернувшись в октябре 1918 г. уже на Дальний Восток, откуда проследовал в Омск (*Тотров Ю.Х.* Английская разведка в России. С. 55–56, 238, 302).

впечатление вмешательства на стороне какой-то определенной стороны в Сибири, и в результате этого Вы сочтете необходимым, чтобы мы открыто продемонстрировали дезавуирование действий полковника Нилсона, Вам надлежит передать мне доказательства», чтобы МИД мог «рекомендовать Военному министерству дальнейшие шаги». По мнению Кеттла, из этой телеграммы следовало, что недоверию к генералу Ноксу со стороны японцев или французов не придавалось значения[74].

Тогда же из Лондона в Сибирь поступило уже упоминавшееся категорическое предупреждение не вмешиваться в политические события. 28 ноября генерал Нокс передал полковнику Нилсону в Омск резкое сообщение из Военного министерства: «Ни при каких обстоятельствах английские офицеры и солдаты не должны принимать какого-либо участия в действиях политического характера». Очевидно, что телеграмма была направлена предупредить какие-либо необдуманные шаги со стороны и Нилсона, и Уорда. Кеттл приводил ранее опубликованную Флемингом и Ульманом телеграмму Военного министерства от 30 ноября, в которой Ноксу поручалось сообщить Нилсону, что его «недавние действия в связи с вопросами, имеющими политическое значение», были расценены МИДом как «крайне бестактные», поскольку они производили «впечатление вмешательства [правительства Великобритании] на стороне какой-то определенной стороны» в Сибири. Передавая телеграмму Нилсону, Нокс добавил, что это не было результатом того, что сказал он или Элиот. «Фактически, Вы бы получили по шее, если бы Ваши донесения не были подвергнуты цензуре»[75].

Вопрос возможного участия британских офицеров в событиях 18 ноября 1918 г. в скором времени вновь рассматривался в Лондоне на самом высоком уровне. 15 января верховный комиссар Ч. Элиот направил в МИД очередную секретную телеграмму следующего содержания: «Сегодня [чешский] генерал Штефаник доверительно сообщил полковнику Робертсону [английскому военному представителю во Владивостоке], что в его распоряжении имеются всесторонние документальные подтверждения участия [англичан?] в событиях, которые привели к созданию колчаковского правительства, и что он предлагает передать данные документы своему правительству в Богемии на ответственное хранение или для уничтожения, на их усмотрение. Он ни при каких обстоя-

---

74 *Kettle M.* Churchill and the Archangel Fiasco... P. 20–21.

75 *Fleming P.* The Fate of Admiral Kolchak. P. 114–115; *Ullman R.H.* Anglo-soviet Relations... V. II. P. 34; *Kettle M.* Churchill and the Archangel Fiasco... P. 21–22.

тельствах не намерен демонстрировать их другим лицам». Британский МИД, встревоженный этой телеграммой, 21 января 1919 г. запросил свой российский департамент: «Получили ли мы эти доказательства?» Как только выяснилось, что нет, Элиоту сразу же была направлена телеграмма: «Просим установить характер упомянутых генералом Штефаником документов». 30 января Элиот отвечал секретной телеграммой о том, что, по сообщению Штефаника полковнику Робертсону, он имеет на рассмотрении документальные подтверждения участия англичан в установлении власти Колчака. «Он абсолютно дружески расположен и, похоже, склонен воздержаться от обнародования чего-либо неугодного правительству Его Величества. Он не ссылался на какой-то конкретный документ, а говорил обо “всех бумагах”», — пояснял верховный комиссар. Во время состоявшегося незадолго до отъезда разговора полковник Робертсон предложил Штефанику упомянуть об этом Элиоту, на что он ответил, «что дело было слишком деликатным, и он бы от этого воздержался», — пояснял Элиот. «Должно быть, он имел в виду [помощь?], по его мнению, предоставленную Колчаку нашими военными властями, поскольку никаких британских гражданских служащих в Омске с 28 октября по 27 декабря не было, за исключением вице-консула [Д. Джордана], вряд ли принимавшего участие в политических событиях», — заключал верховный комиссар. Элиот считал нецелесообразным наводить дополнительные справки у чехов, находившихся на Дальнем Востоке. «Из частной телеграммы, отправленной где-то в ноябре, я пришел к выводу, что эти умозаключения могли базироваться на телеграммах полковника Нилсона генералу Ноксу, которые тот мне демонстрировал», — вспоминал он[76].

В МИДе поняли, что речь идет об уже знакомом вопросе. «Очевидно, все указывает на полковника Нилсона», — говорилось в протоколе департамента России от 2 февраля. «Думаю, нам следует запросить начальника военной разведки [У. Твейтса] точно выяснить, что сделал полковник Нилсон», — заключал личный секретарь заместителя министра иностранных дел В.Х. Селби. С ним согласились первый секретарь Восточного департамента МИДа Р.Э. Грэм и министр иностранных дел лорд Д.Н. Керзон. 11 февраля вопрос был изложен начальнику военной разведки, который 5 марта ответил, что телеграфировал генералу Ноксу касательно деятельности Нилсона. 13 марта МИД получил ответ от Нокса. Последний сообщил, что он бы без промедления навел справки,

---

[76] *Kettle M.* Churchill and the Archangel Fiasco... P. 25–26.

если бы об этом попросил сам верховный комиссар Элиот. Нокс сообщал: «Оснований полагать, что подразумеваемую глупость совершили полковник Нилсон и капитан Стевени, находившиеся в то время в Омске в качестве военных представителей, у меня не больше, чем в отношении господина вице-консула Джордана. Телеграммы Нилсона не дают представления о значимости его труда, и написанием телеграмм все не ограничивается, — твердо заявлял начальник Британской военной миссии. — Я полагаю, что во время кризиса в Омске он не терял голову, и, не демонстрируя какой-либо ангажированности, проделал больше полезной работы, нежели все иностранные гражданские и военные представители вместе взятые». «В телеграммах Нилсона я не нахожу никаких свидетельств того, что он хотя бы раз писал во время кризиса, за исключением телеграфных сообщений в мой адрес, — продолжал глава Британской военной миссии. — Полагаю, что термин "документальные подтверждения" означает документ, составленный капитаном Кошеком — чешским представителем в Омске и обобщающий косвенные свидетельства нашей симпатии к Колчаку». В заключение Нокс писал: «Я поручил Нилсону подготовить отчет по данному вопросу...»[77]

Написанные по горячим следам Нилсоном документы позволяют более подробно проанализировать возможное участие британцев в заговоре. Первый документ — записка, подготовленная им в Челябинске и датированная 24 января 1919 г. с неизвестным адресатом. Кеттл указывает, что остается до конца не ясным, была ли это черновая телеграмма генералу Ноксу, письмо жене или кому-то еще, или даже черновая запись для его дневника. В то же время использованный в сообщении слог явным образом схож с написанным им позднее официальным отчетом.

Второй документ — официальный отчет, подготовленный по заданию руководства и подписанный Нилсоном 22 марта 1919 г. по возвращении в Омск из командировки. «До этой кризисной ситуации (речь о перевороте. — *Р.Г.*), — писал он в отчете о своих действиях в марте 1919 г., — мне случалось часто видеть генерала Болдырева и каждый день бывать в Штабе. Вышеупомянутому лицу я передавал полученные от генерала Нокса телеграммы, а оттуда получал необходимую информацию... Лишь иногда, на официальных приемах мне доводилось видеться с министрами и гражданскими лицами, за исключением встреч с Вологодским (премьер-министром). Я не посещал политические учреждения и не имел друзей в партийных кругах». «В ходе моих посещений

[77] Ibid. P. 26.

штаба мне стало известно об общем недовольстве главнокомандующим, — продолжал британский полковник. — Как и все остальные, я осознавал, что существующее положение дел не могло сохраняться. Союзных представителей всегда принимал первый генерал-квартирмейстер [полковник А.Д. Сыромятников] (генерал-квартирмейстер Штаба. — *Р.Г.*), кроме тех случаев, когда дело было достаточно важным для встречи с главнокомандующим или начальником штаба (генерал-лейтенантом С.Н. Розановым. — *Р.Г.*). Мои взаимоотношения с вышеупомянутыми офицерами были весьма радушными, и на моем пути никогда не чинили препятствий. За время моих бесед я узнал о том, что рассматривался вооруженный захват власти. Мне неизвестно, какие еще офицеры о нем знали, поскольку я упоминал об этом только капитану Стевени. Государственный переворот, должно быть, предвидели многие из тех, кто знали русских и следили за текущими событиями»[78].

Нилсон указывал, что с того времени, как у него появились первые подозрения относительно происходящего, он основывал свои заявления и действия на следующих принципах:

«1) Ни я лично, ни британский военный представитель, ни правительство, которое я представляю, не могут принимать какое-либо участие, прямое или косвенное, в образовании новых правительств или ликвидации старых.

2) Британские войска не примут ту или иную сторону.

3) Моя задача заключается в оказании содействия действующей военной власти.

4) Государственный переворот, во время его осуществления, представляет собой незаконный акт. Когда же он станет свершившимся фактом, я продолжу оказывать содействие, как и прежде, если не получу противоположные инструкции»[79].

«Всем, кого это касалось, я четко и однозначно об этом заявил, и они прекрасно меня поняли, — продолжал Нилсон. — Когда интересовались моим мнением, я никогда не давал официального ответа, но в ходе бесед мне сложно было спорить с тем, что существующее положение дел было крайне неудовлетворительным и что адмирал Колчак был единственным, кто мог спасти страну. Тогда это было настолько устойчивым мнением и безусловной правдой, что выражать иной взгляд было бесполезно. Когда меня спросили, поддержит ли, по моему мнению, британское пра-

---

78 Цит. по: *Kettle M.* Churchill and the Archangel Fiasco... P. 11.

79 Ibid. P. 11–12.

вительство адмирала Колчака, когда он захватил власть, я всегда отвечал так: “Нас не интересуют конкретные лица или состав правительств, но мы хотели бы видеть и поддерживать правительство, способное восстановить порядок и продолжить войну”. В ходе бесед я не мог отрицать, что, по-видимому, все было именно так, поскольку политика адмирала была именно той политикой, которую одобряло британское правительство. В ходе этих бесед я неоднократно заявлял о том, что в случае кровопролития и убийств весь мир ополчится против адмирала Колчака». «Адмирала Колчака за это время я не видел, — подчеркивал Нилсон. — Я дал понять, что англичане не будут принимать участия в государственном перевороте, и было логичным, что он выполнялся с таким расчетом, чтобы новое правительство в конечном итоге получило поддержку британского правительства, как известно, относившегося с доверием лично к адмиралу и верившего в то, что его политика будет содействовать достижению стоящих перед союзниками задач»[80]. Из представленного Нилсоном в Военное министерство отчета следовало, что он был в курсе подготовки государственного переворота, но не принимал в нем участия. Ежедневные встречи с одним из организаторов переворота — полковником А.Д. Сыромятниковым — британский полковник объяснял их вхождением в его обязанности, так как последний отвечал за работу иностранных представителей в Омске.

Тем не менее накануне переворота заговорщики прямо спросили совета у Нилсона. Сообщая ему о начальной стадии подготовки переворота, они, по предположению Кеттла, вероятно, стремились выбрать людей, заслуживавших расположение британского правительства, так как адмирал Колчак должен был иметь советников. Заговорщиков интересовал вопрос, распространится ли признание Великобритании на режим, который придет на смену Директории (о том, что готовится признание Временного Всероссийского правительства, им в целом было известно). «Возможно, я навлек на себя обвинения в том, — писал Нилсон 24 января 1919 г. об этом решающем периоде в Омске, — что действовал несколько опережая весьма робкую политику, или точнее будет сказать, отсутствие политики со стороны нашего правительства. Передо мной стояла сложнейшая задача, мне некому было помочь и не было прецедентов, которые могли бы послужить мне ориентиром». «Неся полную ответственность (sic) за интересы Великобритании в несомненно самое непростое доныне время, я выбрал людей, поддержал их, и считаю, что

[80] Ibid. P. 12.

Зиновий Алексеевич Пешков (Залман Михайлович Свердлов)

сделал правильный выбор, — уверенно писал Нилсон. — Что они смогут дать истории, зависит только от них самих. Лично я убежден в том, что выбрал верный курс». Кеттл подчеркивает, что в этом случае есть «небольшая загадка», поскольку это заявление не согласуется с тем, что Нилсон написал в марте 1919 г. в официальном отчете о своих действиях, предшествовавших кризису, а именно: «Я никому не писал по этому поводу, в моем дневнике нет никаких заметок по теме, и я не телеграфировал о ситуации из опасений, что русские, чехи или японцы могли прочесть мою шифрограмму»[81].

В официальном отчете в марте 1919 г. Нилсон писал, что после совершения переворота его обязанность заключалась в содействии в восстановлении порядка и продолжении войны, что подразумевало поддержку Колчака. Во время разговора с верховным правителем он особо отметил, что симпатии правительства Великобритании к нему охладеют в случае кровопролития, убийств, репрессий, а также любой попытки реакции или восстановления самодержавия. Необходимо было сделать заверения по этим вопросам в форме манифеста к русскому народу, а также индивидуальной декларацией для союзников. Манифест был отпечатан вечером (Обращение верховного правителя А.В. Колчака «К населению России», сделанное 18 ноября. — *Р.Г.*), однако индивидуальную декларацию французскому и британскому представителям Колчак сделал немед-

[81] Ibid. P. 13–14.

ленно. Колчак, предполагая, что полковник Уорд был британским представителем, попросил Нилсона присутствовать и предложил подвезти его на своем автомобиле к составу французского верховного комиссара Э. Реньо. Нилсон согласился, и они приехали вместе. Вслед за Флемингом Кеттл делает вывод, что этот шаг стал главной публичной ошибкой Нилсона, который произвел очень плохое впечатление на французов. Нилсон попросил капитана французской миссии З.А. Пешкова, говорившего по-английски, объяснить ситуацию французскому верховному комиссару. Но было очевидно, что объяснение оказалось «неудовлетворительным или не было понято», — комментировал сам Нилсон. Кеттл заключал, что этот инцидент лег в основу французских обвинений англичан в организации переворота. Адмирал Колчак должным образом зачитал декларацию, а Нилсон остался немым свидетелем[82].

В «Заключении» отчета Нилсон писал о мотивации своего поведения во время подготовки и проведения переворота. «Это был сложнейший период времени для солдата без дипломатической подготовки, — писал британский полковник. — Мне пришлось принимать важные решения, не имея возможности получить инструкций. Уклониться от принятия решений было невозможно, поэтому в полной мере представляя свою ответственность, я действовал так, как считал нужным, после надлежащего рассмотрения. Я знал о том, что грядет государственный переворот, и я знал, что он необходим. Я не мог ему помешать, и, возможно, мои действия, как подробно указано в данном рапорте, помогли его сдержать и предотвратить кровопролитие. Мой совет адмиралу Колчаку, после его избрания диктатором, возможно, поспособствовал выпуску им демократической декларации и прокламации. Мои действия до государственного переворота не связывали английское правительство обязанностью к какому-либо определенному образу действий, а мои неофициальные беседы не могут трактоваться как выражение политики и не обязывали правительство [Его Величества] к каким-либо действиям. Я держался в стороне, пока продолжался государственный переворот, и когда он окончился, оказал помощь адмиралу Колчаку. Как я полагал, это был самый лучший способ исполнять свой долг по содействию продолжению войны. Я не возлагал на правительство обязанности поддерживать адмирала Колчака, но было невозможно внушить русским мысль, что я лично был против него, и если сделали ставку на будущую поддержку английского правительства, это было логично, и не было ни-

[82] Ibid. P. 16–17.

какой иной политики. Присутствие британского батальона в Омске, возможно, рассматривалось как вероятная гарантия личной безопасности адмирала, а обещание поставок припасов — ценным активом для нового правительства. Я не знаю, как русские ссылаются на мое имя или на имя полковника Уорда, но никто не имеет права заявлять о моем участии в государственном перевороте, кроме того, что указано в данном рапорте. Я пишу об этом по прошествии четырех месяцев и без всяких записей, и, вероятно, забыл некоторые детали, но выше приведен настолько полный и достоверный отчет, насколько это возможно»[83].

26 марта генерал Нокс направил отчет Нилсона в Военное министерство со следующим комментарием: «Считаю переданное верховным комиссаром [Элиотом] извещение о существовании “документальных подтверждений осуществления нами” колчаковского государственного переворота совершенно необоснованным. По моему мнению, в сложившихся сложных условиях полковник Нилсон действовал осмотрительно и осторожно». Начальник оперативного управления передал это мнение в Министерство иностранных дел. «Четкий и убедительный доклад», — указано в протоколе департамента России. «Мне представляется, что полковник Нилсон полностью себя оправдал», — написал резолюцию В.Х. Селби. «Согласен», — добавлял Д.Н. Керзон[84].

Вскоре после этого Нилсон покинул Омск. «Во время государственного переворота меня сделали козлом отпущения — я тогда еле выпутался, практически прошел по краю. Оставив все это позади себя, я стал весьма неугодным лицом, чтобы находиться поблизости к местопребыванию правительства», — писал он из Троицка (недалеко от Челябинска) 30 января 1919 г. в сохранившейся заметке без адресата. Кеттл отмечал, что «нельзя не сочувствовать Нилсону», и задается вопросом: не специально ли Нокс оставил его в Омске, понимая, что может произойти, и надеясь, что пробританский российский диктатор будет должным образом установлен, и все закончится к тому времени, когда его французский коллега генерал Жанен прибудет на место. Ведь в Лондоне и Париже было решено, что Жанен и Нокс предложат русским сделать Жанена главкомом всех русских и союзных войск в Западной Сибири, а сам Жанен, как известно, был дружен с генерал-лейтенантом В.Г. Болдыревым, русским главнокомандующим. Кеттл полагал, что ставка могла быть сделано на то, что адмирал Колчак, настроенный явно пробритански, не

---

83 Ibid. P. 26–27.

84 Ibid. P. 27.

потерпел бы передачу командования своими войсками французскому генералу. Кеттл указывал, что в Лондоне член Парламента лорд Р. Сесил и начальник Генерального штаба Г.Х. Уилсон, несомненно, испытывали удовлетворение произошедшими в Омске событиями[85].

Проанализировав комплекс документов, включая записи полковника Нилсона, Кеттл пришел к выводу отличному от большинства других британских и американских исследователей. По его мнению, с учетом имеющейся информации «не вызывает сомнения тот факт, что англичане совсем не так уж невиновны в государственном перевороте адмирала Колчака»[86]. Немаловажно, что Кеттл прямо указывал на скрытый мотив британцев — в данном случае генерала Нокса — не допустить усиления в Сибири позиций Франции и вступления в главное командование генерала Жанена, имевшего хороший контакт с генералом Болдыревым.

В англоязычной историографии работы Флеминга, Ульмана и особенно Кеттла стали наиболее значимыми с точки зрения рассмотрения переворота 18 ноября 1918 г. и участия в нем британцев. В 1990-е гг. вышел еще ряд работ, в которых так или иначе затрагивалась эта тема. Канадский историк Н. Перейра в опубликованной в 1996 г. книге «Белая Сибирь» придерживался точки зрения, что при отсутствии полной ясности о событиях 18 ноября можно с уверенностью утверждать, что представители союзников не вмешивались в них. По его мнению, доказательства участия союзников или конкретно англичан в перевороте «нельзя назвать убедительными»[87].

Британский историк Дж. Смил в изданной в 1996 г. книге «Гражданская война в Сибири» анализирует возможность участия британцев в перевороте 18 ноября, указывая Дж. Нилсона и Л. Стевени, свободно говоривших по-русски и имевших давние связи с правыми, участвовавшими в борьбе с советской властью еще до восстания Чехословацкого корпуса, как возможных заговорщиков. Он обращает внимание на критику со стороны французов именно этих двух офицеров — Жанен и Рукероль писали о их присутствии на решающей встрече 17 ноября накануне переворота. Смил приходит к выводу, что при отсутствии достаточных доказательств «мы обязаны согласиться с теми западными учеными», которые при анализе возможного сотрудничества А. Нокса с заговорщиками пришли к выводу, что обви-

---

85 Ibid. P. 22.

86 Ibid. P. 27.

87 *Pereira N.G.O.* White Siberia. The Politics of Civil War. Montreal, 1996. P. 102, 106.

нения со стороны Французской военной миссии «вероятно, были основаны на слухах» и «французы не дают никаких веских доказательств своих обвинений». При этом историк пишет, что Нокс больше сделал для того, чтобы воодушевить силы, поддержавшие Колчака, чем сделал бы, непосредственно участвуя в заговоре. Смил указывает на многочисленные заявления британского генерала, сделанные во время его поездок, о неготовности Сибири к демократии и необходимости установления диктатуры[88].

Французская историография не уделяет большого внимания вопросу роли британцев в приходе Колчака к власти. Вероятно, это отчасти связано со своеобразной «доказанностью» этого тезиса в многочисленных воспоминаниях французских политических и военных деятелей. В 1968 г. М. Грей и Ж. Бордье обращали внимание на стремление ряда историков вслед за Жаненом «увидеть руку Англии, стоящую за переворотом», а в самом Колчаке — «британского агента». Отмечая уязвимые места в аргументации П. Флеминга, они указывали, что сделанные французами «ложные выводы» из отношения англичан к Колчаку в конечном счете имели трагические последствия[89]. По мнению, высказанному французским исследователем П. Гурменом в работе 1971 г., велика вероятность того, что Колчак прибыл в Сибирь непосредственно с подачи британцев[90]. Французская исследовательница А. Огенюис-Селиверстофф в 1981 г. в отношении прихода Колчака к власти писала о складывающемся впечатлении того, «что британцы не были чужими в этом деле»[91].

Бийебо, автор статьи о военных аспектах событий Гражданской войны в Сибири, в 1992 г. писал, что появление Колчака в Омске стало главным яблоком раздора между союзниками. Переворот и провозглашение адмирала Верховным правителем были результатом британской политики и, в частности, действий генерала Нокса. По его мнению, британцы способствовали возвышению Колчака, который воплощал собой скорее возвращение к монархии, чем демократию в будущем. Бийебо приходит к выводу, что несмотря на трудность установления реальных фактов участия британских офицеров в перевороте 18 ноября и публич-

---

88 *Smele J.D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996. P. 94–95, 97–98.

89 *Grey M., Bordier J.* Les Armées Blanches. Paris, 1968. P. 176–177.

90 *Gourmen P.* La mission militaire française en Sibérie / P. Gourmen, J.-B. Durocelle (Directeur de thèse). Thèse, Université Panthéon-Sorbonne. Paris, 1971. P. 34.

91 *Hogenhuis-Seliverstoff A.* Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris, 1981. P. 103.

ное неодобрение Нокса, англичане с большим трудом скрывали свое удовлетворение состоявшимся переворотом[92].

Еще один французский автор В. Голубинов полагает, что Британская военная миссия в Сибири, несмотря на приказы своего правительства, оказывала материально-техническую помощь участникам заговора, приведшего к власти Колчака[93]. Историк Ж.-Д. Авенель в исследовании 2010 г. указывает, что Нокс, действовавший без консультаций с союзниками, поддержал адмирала Колчака во время переворота 18 ноября[94]. О подозрениях французов в причастности британцев к приходу Колчака к власти в своей работе о Гражданской войне в России пишет французский исследователь А.Б. Жевахов[95].

Современная отечественная историография слабо знакома со свидетельствами, введенными в научный оборот зарубежными историками (за исключением переведенной на русский язык монографии П. Флеминга). Вопрос о «британском следе» в приходе Колчака к власти в 1990–2000-е гг. неоднократно поднимался в многочисленных биографиях адмирала А.В. Колчака.

В «повести-хронике» К.А. Богданова 1993 г. приводятся общеизвестные сведения о том, что о заговоре за два–три дня было известно Ноксу и подчиненным ему офицерам в Омске — Нилсону и Стевени, указывается на позднейшее заявление полковника А.Д. Сыромятникова о том, что он информировал о предстоящем перевороте британцев и получил от них заверения в соблюдении нейтралитета англичанами и французами[96]. В.Г. Краснов в 2000 г. в художественно-публицистической биографии Колчака писал о слухах об участии британцев в перевороте 18 ноября, указывал, что «...сейчас трудно утверждать, верны ли эти подробности, но, видимо, не было дыма без огня». Основываясь на воспоминаниях полковника Уорда, он приходит к выводу, что «Нокс являлся как бы духовным патроном переворота» и «что именно ему Колчак обязан своим возведением на трон верховной власти»[97].

---

92 *Billebeau J.* Le général Janin dans la tourmente sibérienne 1918–1920 // Revue historique des armées. № 186 (1). 1992. P. 66, 68.

93 *Goloubinoff V.* La mission de la section photographique et cinématographique de l'armée en Sibérie et en Russie du nord 1918–1919. Paris, 2010. P. 4.

94 *Avenel J.-D.* Interventions alliées pendant la guerre civile russe (1918–1920). 2e éd. Paris, 2010. Kindle Edition.

95 *Jevakhoff A.* La guerre civile russe: 1917–1922. Paris, 2017. P. 552.

96 *Богданов К.А.* Адмирал Колчак. Биографическая повесть-хроника. СПб., 1993. С. 167.

97 *Краснов В.Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 2. М., 2000. С. 63.

И.Ф. Плотников в 1998 г. в первой в современной России научной биографии Колчака (в 2002 г. вышло переиздание книги) отдельно высказывался «...относительно того вопроса, который издавна вновь и вновь поднимается в литературе, — была ли достигнута между А. Ноксом и А.В. Колчаком договоренность о перевороте в Сибири, о назначении его диктатором?» еще при первой встрече в августе 1918 г. в Токио. Исследователь отрицательно отвечал на этот вопрос. В качестве аргументов Плотников приводил, во-первых, стенограмму допросов Колчака в январе 1920 г., на которых адмирал «был весьма откровенным и о такой договоренности не упомянул», а во-вторых, указывал, что планирование переворота «без конкретного знания ситуации в Омске было немыслимо»[98].

Автор одной из лучших биографий адмирала Колчака П.Н. Зырянов в 2006 г. писал, что англичане были осведомлены о заговоре и «поддержали Колчака с самого начала», указывая на то обстоятельство, что полковник Уорд предоставил расквартированный в Омске английский батальон в его распоряжение. Приводя свидетельство об информировании заговорщиками офицеров Британской военной миссии Дж. Нилсона и Л. Стевени о предстоящем перевороте[99], Зырянов, характеризуя механизм и реализацию заговора, тем не менее не усматривал в нем какой-либо роли Нокса и его подчиненных.

В.Г. Хандорин в разных работах, посвященных А.В. Колчаку, категорически отвергает участие британцев в подготовке заговора 18 ноября, обращая внимание на отсутствие документов, подтверждающих эту версию: «Никаких следов участия англичан не найдено»[100]. Он пишет, что «в основном эти зыбкие утверждения» о британском следе основаны «на голословных обвинениях со стороны их французских коллег», выдвинутых после поражения Белого движения. Хандорин замечает, что доказана лишь постановка в известность офицеров Британской военной миссии о планах заговорщиков с целью получения от них гарантии невмешательства, а все «остальное — чистые домыслы». В их основании, по его мнению, лежит близость Колчака с англичанами и их последующее наиболее тесное из всех иностранных миссий сотрудничество с Верховным правителем. В конечном счете он приходит к выводу, что «скорее»

---

98 *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 107.

99 *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак. М., 2012. С. 407, 422.

100 *Хандорин В.Г.* Мифы и факты о Верховном правителе России. М., 2019. С. 64–65.

«не англичане его использовали, а наоборот, он их использовал»[101], поэтому «“романтическую” версию о “незримой руке туманного Альбиона” следует отбросить»[102].

А.С. Кручинин в 2010 г. в биографии адмирала А.В. Колчака пишет, что генерал Нокс «в отличие от многих иностранцев искренне сочувствовал России и страданиям русского народа» и, хотя «не упускал из виду и интересов своей страны», делать, «вслед за советскими авторами, из его слов[103] вывод о Колчаке как “английской марионетке” отнюдь не правомерно»[104].

В исследовании, посвященном внешней политике А.В. Колчака, историк А.В. Шмелев делает вывод, что «косвенное обвинение союзников в желании свергнуть Директорию» «...отражает интересное видение событий и союзной политики в Сибири, но оно не подтверждается фактами», «...несмотря на то, что некоторые английские военные (батальон Уорда. — *Р.Г.*) участвовали в поддержании порядка на улицах Омска в ночь переворота»[105]. Омский историк М.М. Стельмак, размышляя о возможной вербовке Колчака британскими спецслужбами, пишет, что «...тезис о ведущей роли иностранных спецслужб, как правило, лежит в той же плоскости, что и рассуждения о масонских заговорах и конспирологические теории». Он обращает внимание, что «миф о помощи, оказываемой А.В. Колчаку для прихода к власти англичанами», базируется на мнениях чинов Французской военной миссии[106].

Автор книги о британской разведке в России Ю.Х. Тотров, упоминая о свидетельстве Жанена об участии одного из британских агентов

---

101 *Хандорин В.Г.* Адмирал Колчак: Драма Верховного правителя. М., 2022. С. 128–130.

102 *Хандорин В.Г.* Адмирал Колчак. Правда и мифы. Томск, 2006. С. 75.

103 Речь о словах, написанных Ноксом 31 августа 1918 г. и приведенных П. Флемингом: «Несомненно, он — наиболее подходящая фигура из русских для наших целей на Дальнем Востоке» (*Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака... С. 52). Цитата в разных версиях перевода приводится во многих исследованиях и публицистике (см., напр.: «Нет никакого сомнения в том, что он (Колчак) является лучшим русским для осуществления наших целей на Дальнем Востоке» (*Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 37; *Краснов В.Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. М., 2000. С. 402 и др.).

104 *Кручинин А.С.* Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 248–249.

105 *Шмелев А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб., 2017. С. 25.

106 *Стельмак М.М.* Взаимодействие Российского правительства А.В. Колчака с иностранными союзниками в конце 1918 г. // Скепсис. Научно-просветительский журнал. Электронный ресурс. Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_3739.html?ysclid=lr9at1z1fd177582034#_ftnref12 (дата обращения: 11.01.2024 г.)

капитана Стевени во встрече заговорщиков накануне 18 ноября, также приводит интересную информацию: за работу в России он был удостоен французами орденом Черной звезды, а чехословаками — Военным крестом[107].

Питерский историк А.В. Смолин в 2018 г. в своем исследовании о Колчаке обращает внимание на то, что и генерал Нокс, и полковник Уорд «...являлись сторонниками военной диктатуры и вряд ли их приезд можно считать случайностью». Он указывает, что к миссии был прикомандирован штаб-офицер для поручений штабс-капитан И.С. Ильин, также сторонник сильной власти. 21 октября Ильин получил приказ отбыть в распоряжение А.В. Колчака, одновременно оставаясь при Британской военной миссии. По его мнению, так осуществлялась связь между Ноксом и Колчаком. После отъезда генерала Нокса в командировку во Владивосток вместо него в Омске остались полковник Дж. Нилсон и капитан Л. Стевени и «функции Ильина как связующего звена с англичанами, а затем и французами остались». Смолин приходит к выводу, что вопрос содействия союзников перевороту 18 ноября «не вызывает особых сомнений», «при этом более выпуклой была помощь англичан». По его мнению, участие британцев выражалось «в поддержке идеи военной диктатуры», «по существу охранной функции» батальона Уорда, а также информировании заговорщиками «английских и французских военных о подготовке переворота и заверений в их нейтральной позиции»[108].

Введенный в научный оборот историками разных стран комплекс документов, связанных с возможным участием Британской военной миссии в Сибири в подготовке и проведении переворота 18 ноября 1918 г., на сегодня не позволяет сделать однозначного вывода об участиях в событиях генерала Нокса и подчиненных ему офицеров. Вероятнее всего, ряд чинов британской миссии, включая самого Нокса, были информированы о заговоре, но роль миссии в его реализации сводилась к обещанию нейтралитета в предстоящем перевороте и, вероятно, дальнейшей поддержке установившейся диктатуры. Подобный благожелательный нейтралитет в отношении заговорщиков сам по себе имел значение, но все же не равнялся активной роли. Косвенное участие британцев в событиях заключалось в присутствии в Омске 25-го батальона Мидлсекского полка. С одной стороны, как воинская часть, сформиро-

---

[107] *Тотров Ю.Х.* Английская разведка в России. С. 292–293.

[108] *Смолин А.В.* Взлет и падение адмирала Колчака. СПб., 2018. С. 161, 172.

ванная из ограниченно годных к военной службе резервистов, он имел довольно сомнительную боевую ценность. С другой — возможная поддержка им заговорщиков при попытке защиты Директории войсками Чехословацкого корпуса могла бы иметь важное политическое значение. В курсе готовящегося переворота были и некоторые из французских военных, находившихся в Сибири.

Первопричиной однозначного вывода генерала Жанена и ряда других чинов Французской военной миссии в Сибири о ключевой роли британцев в перевороте 18 ноября было противостояние между представителями двух стран в Сибири, которое началось во второй половине 1918 г. и продолжалось большую часть 1919 г. Борьба за влияние в Сибири и, больше того, после ожидаемой скорой победы над советской властью — в будущей единой России приводила и к обоснованным, и необоснованным подозрениям, взаимным обидам и подковерной борьбе. Немаловажным фактором для формирования убежденности в британском участии в заговоре были антибританские настроения самого Жанена. Генерал в воспоминаниях обвинял Великобританию не только в организации в 1917 г. Февральской революции в России, но и указывал на ее роль в прошлом в революционных событиях во Франции[109]. Вина Великобритании, вмешавшейся в развитие событий в Сибири в 1918 г. и оказавшей помощь в свержении демократической власти, для Жанена стала одним из важных элементов его концепции Гражданской войны в России.

[109] *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917: le journal inédit du général Janin. Paris, 2015. P. 136.

REFERENCES

1. *Avenel J.-D.* Interventions alliées pendant la guerre civile russe (1918–1920). 2e éd. Paris, 2010. 248 p. Kindle Edition.
2. *Baftalovskij I.A.* 18 noyabrya 1918 g. Vospominaniya [18 November 1918. Memoirs] // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation] (GA RF). F. 5881. Op. 2. D. 242. L. 1–16.
3. *Billebeau J.* Le général Janin dans la tourmente sibérienne 1918–1920 // Revue historique des armées. № 186 (1). 1992. P. 63–76.
4. *Bogdanov K.A.* Admiral Kolchak. Biograficheskaya povest'-hronika [Biographical story-chronicle]. SPb., 1993. 304 c.
5. *Boldyrev V.G.* Direktoriya. Kolchak. Interventy. Vospominaniya (iz cikla «Shest' let» 1917–1922 gg.) [Kolchak. Interventionists. Memories (from the cycle Six Years 1917–1922)]. Novonikolaevsk, 1925. 562 s.
6. *Bradley J.F.N.* Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York, 1968. 251 p.
7. *Bradley J.F.N.* Civil war in Russia, 1917–1920. London; Sydney, 1975. 197 p.
8. *Chamberlin W.H.* The Russian Revolution. T. 2. London, 1935. 511 p.
9. «Diktatura Kolchaka»: general Moris Janin i nachalo raboty Francuzskoj voennoj missii v Sibiri v noyabre–dekabre 1918 g. [Kolchak's Dictatorship: General Maurice Jeanin and the beginning of the French Military Mission in Siberia in November-December 1918] // Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin]. T. 37. M., 2021. S. 204–229.
10. Dnevnik Pepelyaeva [Pepelyaev's diary] // Krasnye zori. № 4. Irkutsk, 1923. S. 75–90.
11. *Fleming P.* Sud'ba admirala Kolchaka, 1917–1920 [The Fate of Admiral Kolchak]. M., 2006. 272 s.
12. *Fleming P.* The Fate of Admiral Kolchak. New York, 1963. 253 p.
13. *Gagkuev R.G.* Raport generala M. Janina ob itogah raboty Francuzskoj voennoj missii v Sibiri [Report of General M. Jeanin on the results of the French military mission in Siberia] // Novejshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia]. 2020. T. 10. № 4. S. 1051–1070.

14. *Goloubinoff V.* La mission de la section photographique et cinématographique de l'armée en Sibérie et en Russie du nord 1918–1919. Paris, 2010. 27 p.
15. *Golovin N.N.* Rossijskaya kontrrevolyuciya v 1917–1918 gg. [Russian counter-revolution in 1917–1918]. T. 2. M., 2011. 702 s.
16. *Gourmen P.* La mission militaire française en Sibérie / P. Gourmen, J.-B. Durocelle (Directeur de thèse). Thèse, Université Panthéon-Sorbonne. Paris, 1971. 200 p.
17. *Grey M., Bordier J.* Les Armées Blanches. Paris, 1968. 287 p.
18. *Grondijs L.* Vojna v Rossii i Sibiri [War in Russia and Siberia]. M., 2018. 455 s.
19. *Handorin V.G.* Admiral Kolchak. Pravda i mify [Admiral Kolchak. Truth and myths]. Tomsk, 2006. 288 s.
20. *Handorin V.G.* Admiral Kolchak: Drama Verhovnogo pravitelya [Admiral Kolchak: Drama of the Supreme Ruler]. M., 2022. 526 s.
21. *Handorin V.G.* Mify i fakty o Verhovnom pravitele Rossii [Myths and facts about the Supreme Ruler of Russia]. M., 2019. 198 s.
22. *Hogenhuis-Seliverstoff A.* Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris, 1981. 316 p.
23. *Ioffe G.Z.* Kolchakovskaya avantyura i ee krah [Kolchak's adventure and its collapse]. M., 1983. 294 s.
24. Istoriya grazhdanskoj vojny v SSSR [History of the Civil War in the USSR]. T. 4. M., 1958. 476 s.
25. *Janin [M.]* Ma mission en Siberie. 1918–1920. Paris, 1933. 307 p.
26. *Janin M.* Otryvki iz moego Sibirskogo dnevnika [Extracts from my Siberian diary] / Predisl. i primech. V.D. Vegmana [Preface and notes by V.D. Wegman] // Sibirskie ogni. Novosibirsk, 1927. № 4. S. 133–158.
27. *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917: le journal inédit du général Janin. Paris, 2015. 283 p.
28. *Janin M.* Moje účast na Československém boji za svobodu / z rukopisu přeložil Hanuš Jelínek. Praha, [1926]. 382 s.
29. *Jevakhoff A.* La guerre civile russe: 1917–1922. Paris, 2017. 687 p.
30. *Kettle M.* Churchill and the Archangel Fiasco, November 1918 — July 1919. New York, 1992. 582 p.
31. *Knox A.* Reviewed Work: Fragment de mon Journal Sibérien. Le Monde slave for December, 1924 // The Slavonic Review. Vol. 3. № 9. Mar., 1925. P. 724.

32. *Knox A.* Vmeste s russkoj armiej. Dnevnik voennogo attashe [Together with the Russian Army. Diary of a military attaché]. 1914–1917. M., 2014. 670 s.
33. *Knox A.* With the Russian army, 1914–1917: being chiefly extracts from the diary of a military attaché. Vol. 2. London, 1921. 760 p.
34. *Kolosov E.* Kak eto bylo? (Massovye ubijstva pri Kolchake v dekabre 1918 g. v Omske i gibel' N.V. Fomina) [How was it? (Mass murders under Kolchak in December 1918 in Omsk and the death of N.V. Fomin)] // Byloe. № 21. Pg., 1923. S. 251–297.
35. *Krasnov V.G.* Kolchak. I zhizn', i smert' za Rossiyu [Life and Death for Russia]. Kn. 1. M., 2000. 431 s.
36. *Krasnov V.G.* Kolchak. I zhizn', i smert' za Rossiyu [Life and Death for Russia]. Kn. 2. M., 2000. 351 s.
37. *Kratochvil J.* Cesta revoluce (československé legie v Rusku). Praha, 1922. 656 p.
38. *Kruchinin A.S.* Admiral Kolchak: zhizn', podvig, pamyat' [Admiral Kolchak: life, feat, memory]. M., 2010. 694 s.
39. *Lasies J.* La tragédie sibérienne, le drame d'Ekatérinbourg, la fin de l'amiral Koltchak. Paris, 1921. 260 p.
40. Le journal Siberian du général Janin // Le Monde slave. Paris, 1925. № 4. P. 20–24.
41. *Legras J.* L'agonie de la Sibérie (1918–1920) // Le Monde slave. 1928. № 2. P. 161–195.
42. *Majskiy I.* Demokraticheskaya kontrrevolyuciya [Democratic counter-revolution]. M.; Pg., 1923. 359 s.
43. *Majskiy* I. Predislovie k russkomu izdaniyu [Preface to the Russian edition] // *Ward J.* Soyuznaya intervenciya v Sibiri, 1918–1919 gg.: Zapiski nachal'nika anglijskogo ekspedicionnogo otryada polkovnika Dzhona Uorda [Allied intervention in Siberia, 1918–1919: Notes of the head of the British expeditionary force Colonel John Ward]. M.; Pg., 1923. S. 7–23.
44. *Melgunov S.P.* Tragediya admirala Kolchaka [Tragedy of Admiral Kolchak]. Kn. 1. M., 2004. 576 s.
45. *Milyukov P.N.* Rossiya na perelome [Russia at the turning point]. T. II. Antibol'shevickoe dvizhenie [Anti-Bolshevik Movement]. Paris, 1927. 281 s.
46. *Milyukov P.N.* Russia Today and Tomorrow. New York, 1922. 392 p.
47. *Noulens J.* Mon embassade en Russie soviétique. Vol. II. Paris, 1933. 300 p.

48. *Pereira N.G.O.* White Siberia. The Politics of Civil War. Montreal, 1996. 261 p.
49. *Pichon.* Le coup d'État de l'amiral Kolcak // Le Monde slave. 1925. № 2. P. 248–270.
50. *Plotnikov I.F.* Aleksandr Vasilyevich Kolchak: issledovatel', admiral, Verhovnyj pravitel' Rossii [Alexander Vasilyevich Kolchak: Researcher, Admiral, Supreme Ruler of Russia]. M., 2002. 701 s.
51. Raport generala M. Janina voennomu ministru A. Lefevru o missii v Sibiri. 20 iyunya 1920 g. [Report on General M. Janin to the Minister of War A. Lefebvre about the mission in Siberia. 20 June 1920] // *Grondijs L.H.* Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe. Leiden, 1939. P. 229–239.
52. Raport nachal'nika Francuzskoj voennoj missii v Sibiri generala M. Janina voennomu ministru J. Clemanso. 14 dekabrya 1918 g., Omsk [Report of the Head of the French Military Mission in Siberia General M. Jeanin to the Minister of War J. Clemenceau. 14 December 1918, Omsk] // SHD. 16 N. Carton 3810. D. 4. 14Décembre 1918.
53. *Rouquerol J.* La guerre des rouges et des blancs: laventure de l'amiral Koltchak. Paris, 1929. 189 p.
54. *Shishkin V.I.* K istorii kolchakovskogo perevorota [To the history of the Kolchak coup] // Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii [Izvestia Sibirskogo branch of the Academy of Sciences of the USSR. Series of history, philology and philosophy]. Novosibirsk, 1989. Vyp. 1. S. 59–63.
55. *Shishkin V.I.* Kolchakovskij gosudarstvennyj perevorot v osveshchenii rossijskih memuaristov [Kolchak coup d'état in the coverage of Russian memoirists] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]. Tomsk, 2018. № 56. S. 66–78.
56. *Shmelev A.V.* Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka [Foreign policy of the government of Admiral Kolchak] (1918–1919 gg.). SPb., 2017. 266 s.
57. *Shmeral B.* Chekhoslovaki i esery [Czechoslovaks and the SRs]. M., 1923. 32 s.
58. *Smele J.D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996. 759 p.
59. *Smolin A.V.* Vzlet i padenie admirala Kolchaka [The rise and fall of Admiral Kolchak]. SPb., 2018. 237 s.

60. *Spirin L.M.* Razgrom armii Kolchaka [The defeat of Kolchak's army]. M., 1957. 296 s.
61. *Stelmak M.M.* Vzaimodejstvie Rossijskogo pravitel'stva A.V. Kolchaka s inostrannymi soyuznikami v konce 1918 g. [Interaction of the Russian government A.V. Kolchak with foreign allies at the end of 1918. A.V. Kolchak with foreign allies at the end of 1918] // Skepsis. Nauchno-prosvetitel'skij zhurnal [Scientific and Educational Journal. Electronic resource]. Mode of access: https://scepsis.net/library/id_3739.html?ysclid=lr9at1z1fd177582034#_ftnref12 (date of address: 11.01.2024 g.)
62. *Subbotovskij I.* Soyuzniki, russkie reakcionery i intervenciya: Kratkij obzor: (Isklyuchitel'no po oficial'nym arhivnym dokumentam Kolchakovskogo pravitel'stva) [Allies, Russian reactionaries and intervention: A brief review (Exclusively on official archival documents of the Kolchak government)]. L., 1926. 328 s.
63. *Svyatickij N.V.* Reakciya i narodovlastie: (Ocherk sobytij na vostoke Rossii) [Reaction and People's Power (Sketch of Events in the East of Russia)]. M., 1920. 32 s.
64. Telegramma nachal'nika Francuzskoj voennoj missii v Sibiri generala M. Janina ministru inostrannyh del Chekhoslovakii E. Beneshu. 22 dekabrya 1919 g. [Telegram from the Chief of the French Military Mission in Siberia, General M. Janina to the Minister of Foreign Affairs of Czechoslovakia E. Benesch. 22 December 1919] // *Grondijs L.H.* Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe. Leiden, 1939. P. 107–109.
65. Telegramma nachal'nika Francuzskoj voennoj missii v Sibiri generala M. Janina voennomu ministru J. Clemanso. 15 dekabrya 1918 g., Omsk [Telegram from the Chief of the French Military Mission in Siberia, General M. Jeanin to the Minister of War J. Clemenceau. 15 December 1918]. № 209–210 // SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 209–210. 15 décembre 1918.
66. *Totrov Y.H.* Anglijskaya razvedka v Rossii [English Intelligence in Russia]. M.; SPb., 2023. 480 s.
67. *Tsvetkov V.Z.* Beloe delo v Rossii [The White Cause in Russia]: 1917–1919 gg. M., 2019. 1053 s.
68. *Ullman R.H.* Anglo-soviet Relations, 1917–1921. V. I: Intervention and the War. London, 1968. 361 p.
69. *Ullman R.H.* Anglo-soviet Relations, 1917–1921. V. II: Britain and the Russian Civil War. London, 1968. 432 p.

70. Une Declaration de M. Lebedeff aneien minister du cabinet Kerensky // Excelsior: journal illustré quotidien. № 3401. 3 avril 1920. P. 2.
71. *Ward J.* Soyuznaya intervenciya v Sibiri, 1918–1919 gg.: Zapiski nachal'nika anglijskogo ekspedicionnogo otryada polkovnika Dzhona Uorda [Allied intervention in Siberia, 1918-1919: Notes of the head of the British expeditionary force Colonel John Ward]. M.; Pg., 1923. 172 s.
72. *Ward J.* With the «Die-Hards» in Siberia. London, 1920. 313 p.
73. *Zyryanov P.N.* Admiral Kolchak. M., 2012. 637 s.

Ключевые слова:

Гражданская война в России (1917–1922 гг.), Восточный фронт Белого движения, интервенция в Россию (1918–1922 гг.), Французская военная миссия в Сибири, Российское правительство Колчака, генерал М. Жанен, адмирал А.В. Колчак, Британская военная миссия в Сибири, генерал А. Нокс.

Ruslan G. Gagkuev

THE QUESTION OF POSSIBLE PARTICIPATION OF THE BRITISH MILITARY MISSION IN SIBERIA IN CARRYING OUT OF THE COUP ON NOVEMBER 18, 1918 AND TO THE RISE OF A.V. KOLCHAK TO POWER

The question of possible participation of the British military mission in Siberia headed by General A. Knox in the preparation and carrying out of the coup on November 18, 1918 as a result of which the power of the supreme ruler of Russia A.V. Kolchak was established is analysed. The sources introduced to date on the subject, as well as domestic and foreign historiography concerning this issue are considered. Particular attention is paid to the testimonies of officers of the French military mission in Siberia, its chief, General M. Janin in the formation of the version of the British conspiracy and the role of General Knox and his officers in the coup d'état.

Key Words: Civil War in Russia (1917–1922), the Eastern Front of the White Movement, Intervention in Russia (1918–1922), French Military Mission in Siberia, Russian Government of Kolchak, General M. Janin, Admiral A.V. Kolchak, British Military Mission in Siberia, General A. Knox.

Ruslan G. Gagkuev — D.Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Гагкуев Руслан Григорьевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН (Москва, Россия)